

У С Т Ю Ж А Н Е

№1252391

г. Великий Устюг

63.3(2)

У-83

63.3(2Р-У801)

+ КР + КНИМ

Книга посвящается 350-летию открытия Берингова пролива нашим земляком, устюжанином Семеном Ивановичем Дежневым. Его именем названа самая восточная точка России — мыс Семена Дежнева.

Эта книга представляет богатый исторический материал, основанный на подлинных источниках. Публикации, известные лишь в очень узких кругах исследователей, становятся доступными широкому кругу читателей. Книга дает знания родного края, рассказывает об устюжанах, великие дела которых преумножили славу Великого Устюга. В Великом Устюге и люди делами великие — первооткрыватели, промышленники, торговые люди... Их дела навсегда запечатлены в церквах, белокаменных чудо-домах, многих других свершениях.

Давайте откроем их для себя и будем чтить. Не только чтить, но и брать с них пример, ибо жизнь человеческая в вечных свершениях продолжается. И дольше века длится жизнь, когда след на земле сделан достойный.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в.

Сборник документов. Составлен Н. С. Орловой под ред. члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова.

Центральный Государственный архив Древних Актов СССР.

Гос. издательство Географической литературы.
Москва, 1951 г. Тираж 7000 экз.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ открытия русских полярных мореходов и землепроходцев в XVII в. имеют огромное значение. Одни открытия Дежнева составили эпоху в развитии географических знаний человечества. За Дежневым остается приоритет географических открытий величайшего значения, входящих, как важная составная часть, в историю великих географических открытий человечества, в историю установления основных очертаний континентов и морей нашей планеты. Вместе с тем до настоящего времени сделано крайне мало для опубликования документального материала о замечательных русских полярных мореходах, и в частности о Семене Дежневе, Федоте Попове, их товарищах.

Сейчас можно считать твердо установленным, что еще до того, как Миллер нашел в Якутском архиве в 1736 году челобитные и отписки Семена Дежнева, сведения об этом походе и его результатах уже получили распространение и оказали влияние на развитие географических представлений своего времени.

Публикации Оглобина в 1890 году явились известным новым этапом в изучении истории похода Семена Дежнева,

В 1948 году интересные документы опубликовал М. И. Белов в приложении к своей книге «Семен Дежнев», наибольшее значение об открытиях Дежнева имеют работы академика Л. С. Берга и С. В. Вахрушина.

В чем закономерность этих открытий, их историческая обусловленность?

Поход Дежнева — не случайная удача смелого казака, но частица переселенческого потока огромного масштаба. Не эпизодом местного, второстепенного значения, а одним из крупнейших событий всемирной истории был поход Семена Дежнева и его спутников из Нижне-Колымского зимовья вниз по Колыме, а затем по бескрайним, суровым просторам Северного Ледовитого океана.

Реакционные американские историки, вроде Франка Л. Гардера, пытались вовсе замолчать и даже отрицать факт великого открытия Семена Дежнева.

Долгое время представляли, что, заслуга Дежнева состоит только в том, что он прошел Анианским проливом. Дежнев открыл в то же время «Великий северный угол» — мыс Табин, или Тама-рос, известный в античном мире, участники похода открыли Камчатку, достигли Охотского моря, и, может быть, часть экспедиции Дежнева (по Оглобину 4 коча), отделившаяся от его партии во время сильной бури еще до Большого Каменного Носа, достигла побережья Аляски и основала там, на побережье Кенойского залива, русское поселение из 31 дома.

Открытия наших полярных мореходов XVII в. в Северном Ледовитом, а затем и в Тихом океанах, сделаны в тот период, когда западно-европейские мореходы пытались захватить северные морские пути вдоль исконных русских земель.

В грамоте приказа Казанского дворца тобольским воеводам кн. Ю. Я. Сулетову и Ф. К. Плещесву о строгом надзоре за «морским ходом из Архангельска в Мангазею» от 24 августа 1623 года говорится: «А старую дорогою из Мангазен Тазом рекою на Зеленую реку да на Мутную реку, да на Карскую губу, и Большим морем к Архангельскому городу и на Пусто Озеро торговым и промышленным людям ходити не велено, чтобы на те места немецкие люди от Пуста Озера и от Архангельского города в Мангазею дороги не узнали и в Мангазею не ездили».

Поход полярных мореходов на Анадырь начался в период крупнейших политических событий в Западной Европе и в России. В 1618—1648 гг. в Западной Европе происходила грандиозная Тридцатилетняя война, кончившаяся поражением Габсбургской империи и Вестфальским миром. В Англии происходила буржуазная революция, в первые годы которой Англия выключилась из

активной внешней политики. Во Франции происходили почти одновременно народные движения в Париже и других городах.

В русском государстве в это же время происходил процесс образования единого всероссийского рынка и дальнейшей централизации государства; происходило присоединение Украины, освобождавшейся с помощью русского народа от гнета польских панов; усиливалось закрепощение крестьян, явившееся основной причиной мощного крестьянского движения из центральных областей Руси в Сибирь.

В 1632 году был основан Ленский, или Якутский, острог. В 1633 году казаки Ребров и Илья Перфирьев, спустившись вниз по Лене, прошли морем до Яны, а через три года Ребров открыл устье Индигирки, Иван Ерастов и Дмитрий Михайлов Зырян (Ерило) прошли с Индигирки на Алазею морем, а в 1641 году Михаил Стадухин с Оймьконом поплыл вниз по Индигирке, и затем достиг Колымы. (Д. М. Лебедев считает, что в 1643 году или 1644 году Стадухин уже поставил на Колыме зимовье, в т. ч. и Нижне-Колымский острог, который находился примерно в 20 км от современного Нижне-Колымска). В партии Стадухина находился Семен Дежнев.

Тихий океан впервые был достигнут русскими не на его северном участке, у Берингова пролива, а в южной его части — в Охотском море. Партия атамана Дмитрия Копылова, посланная в 1636 г. из Томска, в 1638 г. заложила в 100 верстах от устья Маи Бутальское зимовье. В 1638 г. оттуда отправился на «Большое море-окиян», по тунгусскому языку Ламу, отряд под начальством Ивана Москвитина, отделившийся от Копылова. Отряд перешел с Аледана на Маю и Юдому и волоком достиг р. Улы, прошел до впадения ее в Охотское море, где прожил два года.

Стоило только передовикам из южного ответвления колонизационного потока достичь Охотского моря, как начались походы на Амур Пояркова (1643—1646 гг.) и Хабарова (1647—1651 гг.). Поярков составил подробное описание и чертежи Амура. Чертежи Амура привез и Хабаров. В 1643 г. Курбатов Ивановым был открыт Байкал.

Из документов видно, что при весьма суровых климатических условиях Арктики поселенцы на Севере, используя богатейший в то время рыбный промысел, охоту на ценного пушного зверя, обложение данью местного населения и весьма выгодную неэквивалентную торговлю с ними, обеспечивали себя всем необходимым, а некоторые из этих поселенцев имели и большую наживу.

Впереди этого потока переселенцев шли не крестьяне-хлеборобы, а промышленники и служилые люди. Капиталы для предприя-

тий давали обычно крупные купцы-москвичи, устюжане и др. Предприниматели не сами отправлялись в трудные, полные лишений походы, а посылали своих приказчиков, как, например, Федота Алексеева или Василия Гусельникова. У них были наемные работники — беднота, «покручники», работавшие по найму, по договору. Наконец, немалую роль в этом людском потоке играли «гулящие люди», бежавшие от своих помещиков или от наказания царских властей.

Однако трудно провести четкую грань между служилым и промышленным человеком. Дежнев не получал жалования 19 лет, снаряжался он в путь «на дальнюю реку» (Анадырь) на свой кошт.

Между сибирскими служилыми людьми и властями существовала сложная система взаимоотношений. Служилые отправлялись в новые земли, и в течение похода никакой контроль за ними не был возможен, поэтому воеводы предпочитали не давать им царского жалования вперед. Однако в исключительных случаях, когда из Москвы приходило какое-либо особо важное задание, иной раз выдавалось жалование за год или за два вперед, но обычно не все виды жалования, а хлебное и соляное, в более редких случаях — денежное.

В приговоре Якутской приказной избы от 3 августа 1641 г. упоминается, например, в числе других казаков Семен Дежнев, которому решено было отдать 36 соболей, причем объясняется, что Дежнев и другие казаки были на государственной службе в 1640—1641 гг. на Янке-реке и что после того, как ясак был собран, они купили соболей на свои товары. Служилые люди, отправляющиеся в дальние походы, занимали деньги у купцов, то есть у их приказчиков.

К концу 50-х годов им разрешалось добывать моржовую кость исполу. У Дежнева и Селиверстова около 1657 г. было взято 100 пудов «испольной» кости и, кроме того, 1/10 часть из оставленной у них в виде пошлины.

О масштабах торговых операций и операций по сбору ясака в Сибири свидетельствует то, что торговля с Сибирью в середине XVII в. составляла треть доходов всей царской казны. И вот еще пример, в июле 1642 г. была сделана выпись из таможенной книги Ленского острога, выданная участнику экспедиции Дежнева — Федоту Алексееву, приказчику А. Усова, при отпуске его на реки Лену и Оленск для рыбной ловли и соболиного промысла. Из документов видно, что у служащих Усова было при отправлении в поход 700 пудов ржаной муки, медных котлов 4 пуда, 2 пуда олова. 20 фунтов одекую (синего бисера), 100 аршин сукна,

350 сажен сетей невода, 100 аршин холста и других товаров, а всего у него было товаров на 1025 рублей. А это один лишь из приказчиков Усова.

У Федота Алексеева Попова, отправившегося вместе с Дежневым в неведомые земли, было денег 3500 рублей и товар.

20 марта 1646 г. устюжане Степан Евдокимов и Лука Семенов обратились на имя царя Алексея Михайловича с просьбой разрешить им построить коч пониже Ленского острога из леса, который они приискали. Воевода приказал: «Записать челобитие, а коч велеть делать». Таким образом, двое устюжан строили коч на Лене незадолго до прихода Дежнева.

Как известно, Семен Дежнев был приглашен Федотом Алексеевым Поповым и другими промышленниками для организации похода, для его военной охраны, в качестве сборщика ясака и как представителя сибирских властей.

Для понимания истории похода Дежнева надо проследить, когда и как были получены первые сведения о Чукотском полуострове, в частности, о р. Погыче (Анадыре) и о населении Чукотского полуострова.

В 1641—1642 гг. казаки получили известия о том, что на реке Нелоге и Нероге, к востоку от Колымы, есть серебро. По тому времени это было сведением первостепенной важности. В том же 1641 или 1642 г. Михаил Стадухин побывал на Охотском море, на реке Охонее (Ламе).

Так, известно, что первая попытка достигнуть Анадыря была сделана в июне 1647 г. Устюжский торговый человек, приказчик купца Усова Федот Попов и казак из Великого Устюга Семен Дежнев отправились на Анадырь на 4 кочах. Экспедиция эта отправлялась, как объяснял Дежнев в челобитной царю Алексею Михайловичу, «для приску новых неясачных людей», т. е. выполняя государственное задание и в то же время «для промыслу».

Попытки Дежнева, Попова и их спутников пробиться «на новую реку Анадырь» были безрезультатны. Путь преградили льды.

20 июня 1648 г. начался исторический поход Семена Дежнева. Оглоблин считает, что в походе участвовало 210 человек. Всего было 7 кочей, на каждом около 30 человек. На самом деле Дежнев считает, что у него было на 6 кочей 90 человек, т. е. в среднем по 15 человек на судно.

Когда Дежнев достиг района Анадыря, в его партии был Фома Семенов Пермь, Сидор Емельянов и Иван Зыренин, в экспедиции

участвовали также и Бессона Астафьев (Ворона) и Афанасий Андреев, приказчики купца Гусельникова. К этому времени в партии Дежнева осталось только 12 человек.

По отписке 1655 г. Федора Емельянова Ветошки 4 коча еще до Большого Каменного Носа отделились от остальных. У Каменного Носа разбился коч Анкудинова, так что осталось 2 коча. Когда следовавшие на этих двух кочах сошли на берег, Федот Попов был ранен. Затем кочи Федота Попова и Дежнева потеряли друг друга из виду. Известно, что Анкудинов был вместе с Поповым. О Попове и его спутниках имеются сведения, что они погибли, за исключением нескольких человек, которые с Камчатки направились на лодках в неизвестном направлении, не имея с собой никаких припасов. Известно, что коч Анкудинова был разбит до Анадырского устья и что до Большого Каменного Носа Дежнев потерял еще несколько кочей (по Оглоблину — 4). При высадке Дежнева в неизвестном месте, которое без документальных доказательств принято считать Олюторской губой, последний коч Дежнева выбросило на берег, и, по-видимому, повредило.

Дежнев указывает, что он видел на двух островах против Большого Каменного Носа «зубатых» людей. Оглоблин считает, что это или остров св. Лаврентия, или Аракамчечен Иттыгран, между тем как несомненно, что это острова Диомиды.

В 1651 г. казак Семен Дежнев и Семен Мотора построили на реке Анадыре суда и решили отправиться на них в море для новых открытий. Однако смерть Моторы, убитого в бою с анаулами, заставила Дежнева отложить свое намерение. В следующем, 1652 г. Дежнев плавал на построенных судах вниз по Анадырю в устье реки, где и открыл знаменитую коргу, или мель, далеко простирающуюся в море на Север. Добыв несколько моржовых зубов, Дежнев возвратился в зимовье.

В 1654 г. предприимчивый Дежнев с некоторым числом служилых людей отправился опять в поход морем. Он встретил коряков, далее следуют известия о том, что «в некотором месте Дежнев взял в плен женщину, принятую им за якутку». Из рассказов ее Дежнев узнал, что она была женой купца Федота Алексеева, т. е. Попова, и что муж ее вместе с нею плыл на своем коче по Пенглинскому морю (Берингово море) к разным народам с судами других купцов, «от коих случившегося погодою коч его отшибло и нанесло в Камчатку, где застигла их зима, и на речке Никуле, впадающей в Камчатку, названной по мужу ее Федотовкою, построил Зимовье. По наступлении лета он обошел Курильскую Лопатку и Пенжинским морем вошел в реку Тигиль. Там и умер, а оставшиеся последнего люди все побиты».

Спасский сообщает: «...29 июня 1649 г. Булдаков приплыл в Ленское устье. Из-за льдин стоял там 4 недели». В связи с походом Булдакова в 1649 г. «в Якутске между тем получено было известие» от языческих народов, что до реки Анадырь скорее можно дойти сухим путем, нежели морем. Мотора этим путем 23 апреля 1650 г. прибыл в стан к Дежневу.

Неоднократно говорилось о том, что Дежнев обязан Миллеру, открывшему якобы Дежнева. Историк Словцов даже назвал Дежнева миллеровским «выведенцем». А по существу, Миллер обязан Дежневу, и он оказал большое влияние на концепцию Миллера в его картах и литературных научных трудах.

Великое открытие Дежнева и его данные оказали влияние, таким образом, на карту Российской Академии наук, вышедшую в свет в 1758 г. на русском и иностранных языках и широко известную в России и Западной Европе.

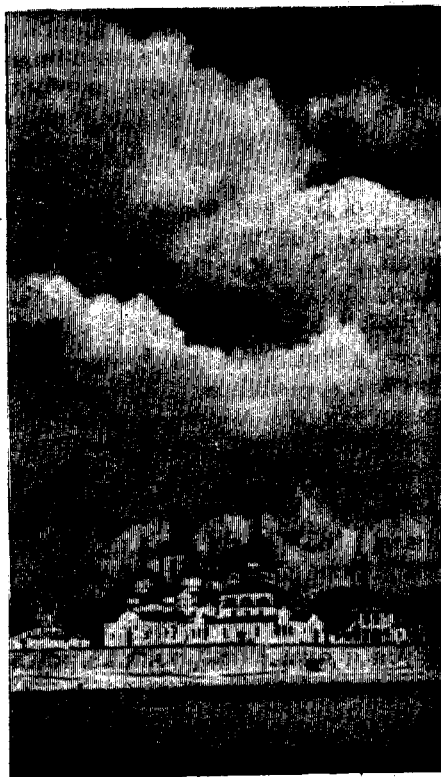
Повторить путь исторического похода Дежнева в 1648 г. пытались сам Дежнев, который хотел пройти тем же путем, но в обратном направлении. В 1652 г. или 1653 г. Дежнев и Никита Семенов «с товарищи» добыли лес и хотели построить коч, послать его с государевою казною морем в Якутский острог, но узнали, что «сулон (водвороты) били о землю близко», и без хорошей судовой снасти и без хорошего паруса и якоря не решились идти. От местных жителей Дежнев получил сведения, что не всякий год льды от берегов относит в море.

В 1651 г. двое служилых людей из Якутского острога (Ю. Селиверстов и Е. Курсов, вычегжанин) собрались плыть морем на Колыму и на Чолдан, или Чендон, который находится в Ламском, ныне Охотском море, недалеко от реки Парень.

Обращает на себя внимание огромная энергия Дежнева, который совершает морские походы, во время которых была открыта «корга» с «заморской» костью, строит кочи — дощаники, посылает ясак, собирает моржовую кость. Важно отметить, что Дежнев установил хорошие отношения с местными жителями, что мог посылать ясашную казну, например, с аманатом Чекчуою, который на оленях отвез через Камень «кость» на Онюй-реку, а затем на Колыму.

Итак, после похода Дежнева морское плавание из устья Лены до устья Колымы стало весьма обычным делом.

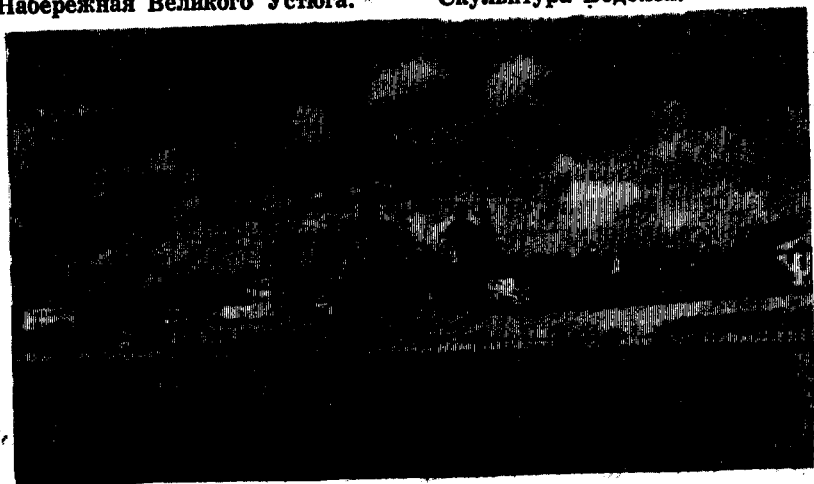
Дежнев настолько крупная историческая фигура, что всякое сведение о нем представляет интерес. Так, например, обычно полагали, что выходец из низов Семен Дежнев оставался бедняком до конца своих дней. Из вышедших работ о Дежневе имеется

Набережная Великого Устюга.

Скульптура Водолея.

Набережная Великого Устюга.

концепция противопоставления Стадухина, принадлежащего казачьей верхушке, Дежневу, который жил исключительно на государево жалование, всегда нуждался в деньгах (М. И. Белов, Семен Дежнев, Главсморпуть, 1948 г.). Однако тому, кто примет эту концепцию, предстоит решить весьма нелегкую арифметическую задачу. Дежнев в течение 19 лет не получал жалования. Спрашивается, на что же он жил?

Между тем Дежнев хотя и был рядовым казаком, но, как и подавляющее большинство служилых людей, был промышленником-предпринимателем. Если верно, что он вышел из низов и до похода на Анадырь масштабы его «промышленных» операций являются весьма скромными, то на Анадыре он уже приобрел значительные по тем временам средства. Например, он погрузил на коч в Верхне-Колымском зимовье 50 пудов лично ему принадлежащего «рыбьего зуба», т. е. моржовой кости. По оценке за один зуб платили 60 рублей, следовательно, его кость стоила 3 тыс. рублей, в то время жалование деньгами казаку платили 5000 рублей в год.

Последние годы своей жизни Дежнев был атаманом. Летом 1662 г. Дежнев под началом сына боярского Ивана Ерастова получил весьма ответственное поручение — отвести из Якутского острога в Москву ленскую соболиную казну за 1662 год. Посылались меха, огромные ценности в 70 катаных мешках. Вместе с ним послали 16 якутских служилых людей.

Поручение было выполнено, и вся пушнина, а также моржовая кость были в целости доставлены в Москву.

Дежнев до конца жизни не знал грамоты, за него всегда расписывались другие казаки. Тем более замечательны необычайная наблюдательность и пытливость его, свидетельством которых являются челобитные и отписки, написанные под его диктовку.

Из ссылок на документы московских и ленинградских архивов видно, что Дежнев был «женат на яконской женке» Абакай. М. И. Белов нашел документ, что у Дежнева был сын Любим, казак, который принимал участие в походах по Тихому океану.

В 1668 году на имя царя Алексея Михайловича подала челобитную Капитолина Архипова, которая пишет о себе, что она «атамана казачья Семена Дежнева женщина его и просит в оклад ее мужа Семена Дежнева дать ей соляное жалованье вперед», а в 1673 году 3 марта в «памяти хлебного Стола, в денежный стол» говорится о выдаче хлебного жалования жене казачья атамана Семена Дежнева, но не Капитолине, а Пелагее.

В 65-й книге фонда Сибирского приказа на восьмом листе в окладной книге денежного, хлебного и соляного жалования

ружникам, оброчникам и служилым людям Якутского острога написано: «Семен Дежнев во 181 году умер на Москве». Так как месяц смерти не указан, то датой его смерти следует считать один из двух годов (1672 или 1673).

О том, какая масса соболей собиралась в 60-х годах в Северо-восточной Сибири, можно судить по Якутскому острогу, сюда свозилась вся пушнина — и ясак, добытые промышленниками. В 1659 г. или 1660 г. собрано таможенного сбора 3620 соболей с хвостами, 2016 пунков собольих и др., а всего мягкой рухляди на 7584 рубля 11 алтын и 4 деньги, а кроме того, 1008 рублей 14 алтын и 2 деньги. В 1660 г. или 1661 г. — 6606 рублей 11 алтын 4 деньги мягкой рухлядью и 1054 рубля 15 алтын и полпяти деньги. В 1661 г. или 1662 г. — 6662 рубля мягкой рухляди и 1395 рублей 1 алтын и 2 деньги.

Поход Дежнева не только привел к географическим открытиям величайшего значения — к установлению раздельности Азии и Америки, к открытию «Табин Промонториум» (Великого Северного угла древних), к открытию Камчатки и, вероятно, связан с первым поселением русских в Северной Америке, но и имел непосредственное экономическое значение. С 1649 г. движение по освоению северо-востока Сибири из устья Колымы переклюилось на речные и сухопутные пути по Анюю через Анадырский хребет. (А. В. Ефремов, член-корреспондент АН СССР).

Сибирский приказ ст. № 83 л. 498: «...Борис Пушкин поехал из Мангазеи... через море и из Сибири до Устья Великого, а на Устье остался для того, что застал мороз...» (21.XI.1639 г.).

Якутская приказная изба, ст. № 2020 л. л. 127—130 (стр. 117—119): «1641 г. 5 августа стольники и воеводы Петр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов, да дьяк Ефим Филатов челобитья и выписок служилых людей слушали и приговорили: ...Семейке Дежневу 36 соболей отдать, что он был на государевой службе в нынешнем году на Янге-реке для государева ясашного и збору. И как государев ясак с якутов взяли, и те они соболи окупили на свои товары... и лошади покупали под себя и под запасы собою».

Торговые операции на Лене и других сибирских реках торговых людей Гусельниковых и Усова (стр. 160—192)

9 июня 1632 г. Жалованная грамота с льготами, предоставленными торговому человеку гостиной сотни Василию Федотовичу Гусельникову, стр. 161—163.

По указу великого государя, святейшего патриарха Филарета Никитича торговых людей, которые взяты из городов к Москве в гостиную сотню... на Устюге Великом... его, Василья, з братьями и с племянники... судом и службами, и ничем вперед не ведаши и тягло и податей с них устюжского уезда в Юрьеве на волоке земским судьейком и старостам, и целовальником имати с них не велети, опричь оброчных угодий...

6 июля 1642 г. (150). Алексей Усова приказчик — Федот Алексеев Попов идет с покрученниками и своеушниками на соболиный промысел на р. Оленек из Ленского острога и везет 700 пудов муки ржаной (700 рублей), промышленных котлов 4 пуда (40 рублей), 2 пуда олова (20 рублей), 20 фунтов одекую (12 рублей), 10 фунтов бисеру (6 рублей), сукна белого 100 аршин (30 рублей), 50 колокольцев кутазов (шнур с кистями) (5 рублей), 350 сетей неводных (70 рублей), 20 сколотов подошвенных (30 рублей), 25 обметов собольих (сеть вроде тенет) (25 рублей), 60 топоров (60 рублей), 2 пуда прядена (12 рублей), 100 аршин холсту гладково и толстово (15 рублей).

С ним идут: племянник Омелька Стефанов, покрученники: Никишка Прокопьев, Тренька Евсеев, Ондришка Федоров, Левка Семенов, Лучка Алимпиев, Уруско Александров, Тимошка Игнатьев, Филька Александров, Насонко Козмин, Осипко Никифоров, Тренька Назаров, Кирилко Иванов, Федька Иванов, Чудинко Мартынов, Ивашко Осипов, Митька Вятченин, Панфилко Иванов, Ивашко Осипов, Миронко Иванов, Богдашка Анисимов, Тимошка Месин, Мишка Шабаков, Никитка Федоров (Гаврила Нерадовский — брат В. Ф. Гусельника).

12 марта 1653 г. В прошлом, государь, (во 147-м году), будучи на твоей, государеве, службе на Устюге Великом, в таможенных и в кабацких головах и у ямского дела, отпустил в сибирские города с товаром приказчиков своих торговать, колмогорца Федота Алексеева Попова да устюжанина Луку Васильева сына Сиверова, а с ними отпустил товару и денег 3500 рублей...

17 июля 1662 г. ...И после того торговые и промышленные люди били челом тебе, великому государю, а по Колыме-реке таможенному целовальнику Петру Новоселову подали челобитную, чтоб их, торговых и промышленных людей Федота Алексеева с товарищи отпустили по твоему, государеву, указу на новую на Анадырь-реку и на иные на сторонние реки для прииску новых неясачных людей, где б тебе, великому государю, можно было в ясачном зборе прибыль учинить. А обо мне же, холопе твоём Семейке, те торговые и промышленные люди били ж челом, чтоб мне, холопу твоему, идти с ними вместе для твоего, государева,

ясачного збору и для прииску новых неясачных людей и для твоих, государевых, всяких дел.

И я, холоп твой, с ними, торговыми и промышленными людьми, шли морем на кочах 90 человек и прошел Анадырское устье, судом божиним те наши все кочи море разбило, и тех торговых и промышленных людей от того морского разбою на море потонуло и на тундре от иноземцев павших, а иные голодною смертью померли, итого все изгубило 64 человека.

А я, холоп твой, от товарищей своих остался всего 20-ю четырьмя человеки и тех товарищей моих зимним путем на лыжах с нарты и со стыди, и с голоду и со всякой нужи, не дошел до Анадыря реки, дорогою идучи, 12 человек безвестно не стало. А я, холоп твой, на Анадырь-реку довололся всего 12-ю человеки, и с теми достальными своими товарища, не хотя голодною смертью помереть, ходил я, холоп твой, в поход к анаульским и к ходынским не к ясачным мужикам. И божиею милостию и твоим, царским, счастием поимали в аманаты двух мужиков Анаульскому роду Колупайка да Негово, да Ходынского роду Чокчоя, да двух чюванских мужиков Леонту да Подонцу. И на той имке тот Поданца резал меня, холопа твоего, Семейку, в груди ножом. А под тех аманатов и с их братья и родников взято твоего, государева, ясак 30 соболей. С после того твоим, великого государя, счастием не по один год в аманаты наимали ходынского роду мужиков Обляку, Ондрюшку, Алдыбейка, Акинейка, Папилка, Чинчилдайка, Петрушку и под тех аманатов и под их братью и родников с их улусных людей и по нынешней 170-и год збираетца твой, государев, ясак немалой.

С впредь по той Анадыре-реке и по иным по сторонним рекам будет збиратца твой, государев, ясак, по вся года перед прежним с прибавкою, и рыбой зуб кость проведали, и по вся годы промышляют моржой для кости рыба зуба охочие служилые и промышленные люди.

И в прошлом же, великий государь, во 167-м году по твоему, государеву, указу Якутцкого острогу сын боярский Курбат Иванов с служилыми людьми на Анадыре дела принял у меня, холопа твоего, острожек и аманатов.

И я, холоп твой, пошел из Енисейского острогу, служил тебе, великому государю, всякие твои, государевы, службы и твой, государев, ясак збирал на великой реке Лене и по иным дальним сторонним рекам в новых местах на Яне, и на Оемеконе, и на Индигирке, и на Алазейке и на Ковыме, и на Анадыре реках без твоего, государева, денежного, и хлебново жалованья своими подьямы. И будучи на тех твоих, государевых, службах, в те мно-

гие года всякую нужу и бедность терпел и сосновую, и лиственную кору сл и всякую скверну принимал 21 год.

Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович... (г.), пожалуй меня, холопа твоего, своим государевым денежным и хлебным жалованьем за те за прошлые годы, а за мое службишко и за кровь, и за раны, и за многое терпенье пожалуй, государь, меня, холопа твоего, прибавочным жалованьем, чем тебе, великому государю, бог известит. И вели, государь, сию мою челобитную в Якутском остроге в съезжей избе своему государеву стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову принять и под отпискою послать к тебе, великому государю, к Москве, царь, государь, смилуйся.

Около 20 мая 1652 г. отписка приказчика Колымского зимовья Тимофея Михайловича Булдакова в Якутскую приказную избу о своей службе на р. Колыме (стр. 294—298).

Около 26 июля 1656 г. отписка сотника казачьего Амоса Михайлова в Якутскую приказную избу об отпуске со службы служилого человека Тимофея Булдакова, из-за болезни не имеющего возможность ехать на р. Анадырь. (стр. 307—308).

Анадырский острог при приказчиках Семене Дежневе и Курбате Иванове (гл. 6 стр. 347—408):.

Михаил Захаров — спутник Семена Дежнева. 3.04.1653 г. пишет в завещании... «Коробья окованная железом и з двумя ключами отдать Семену Дежневу, из моего живота дать на 16 соболей, порохом 2 фунта... крест серебряных и вызолочен в коробье — и тот крест отдать Семену Дежневу».

7 мая 1653 г. повинная челобитная ленского служилого человека Евсея Павлова, ложно сказавшего «государево дело». В 161-м г. побранился я на Анадаре с промышленным человеком Терешкою Микитиным. И тот бил челом тебе перед Семеном Ивановичем Дежневым. Я, холоп твой, перед ним, Семеном, отвечал спроста пишалью подпершися. И он, Семен, на меня в том невежестве мешался на меня бить своими руками. И я, холоп твой, убоился его, Семеновых, побой, сказал за собою дело твое, государево...».

1655—1656 гг. о совместной службе на р. Анадыре Юрия Селиверстова и Семена Дежнева (стр. 360—361).

17 ноября 1658 — 31 августа 1659 г. о добыче на Анадыре моржовой кости Семеном Дежневым и Юрием Селиверстовым — стр. 387—389. Сенька Дежнев промышлял (с товарищи) 239 пуд, Юшко Селиверстов у 50 пуд, всего 289 пуд ...якутская цена тому пуду 60 р.

Не ранее 1659 (168) г. сентября 1. Отписка С. Дежнева в Якутскую приказную избу о своей службе на р. Анадыре.

«...своими сетишками Анадобет на аманатцкой корм государевых певодных сетей на рыбную ловлю, да иноземцам их на подарки государевых же товаров в котлах зеленые меди серетные и меньшая рука, да железа палмы, и стрелы, и одекуй большей и за провоз давать под государеву казну, потому что иноземцы возят кость рыбей зуб на оленях, а без найму не везут, потому что земля новая. А прет сего служилые и промышленные люди наем давали под государесу казну собою, покупаячи товар дорогою ценою.

А промышленные люди хотят разбрестись, служить де нам государева служба не в мочь. Аманатов кормить нечем. И я с ними живу по челобитью — чтобы пожаловали не разбрелись, чтоб не покинули государевой казны и аманатов. А промыслы небольшие, на рыбный завод не доставает. А надобе на Анадыре реке служилых людей не малою статью, человек 50, потому что много сторонних людей иноземцев, коряки и чюкчи, и чювальцы...

Да на Андырь на реке острогу от иноземцев крепости нет, потому, что живет люд промышленной оплошливо, аже бог даст весна придет, и яз велю поставить острог на Анадыре-реке и ясачное зимовье, и аманатское зимовье велю построить...».

Гл. 8 Из биографических данных о Семене Дежневе. **стр. 479—540.**

Около 1638—1641 гг. челобитная служилых людей Якутского острога десятника казацкого Осипа Семенова с товарищами, в т. ч. Семене Дежнева, об отпуске их в Яульскую волость.

...К Якольским князьям и Чечюю да к Тохтотою да к Откану.

Не позднее 1639—1640 гг. челобитная служилых людей Якутского острога десятника казацкого Осипа Семенова с товарищами, в т. ч. Семени Дежнева, об отпуске их в Нюриптейскую волость.

На князца Бертькару да на князца Дегудере.

29 февраля 1640 г. «...Того же дня продал енисейской служилой человек Семейка Иванов Дежнев коня, шерстью серой, грива на правой стороне, газовскому служилому человеку Гришке Васильеву Киселю, взял 15 рублей, с продавца взято порублевые пошлины 5 алтын, с рубля по 2 деньги, а с купца нашерстного взято алтын...»

Октябрь 1640 г. «...Семейке Иванову Дежневу половину окладу его 2 рубли с полтиной к прежней его даче, как он, Семейка, примет у Порфеля Ходырева и в тоя поры дано ему по окладу на

нынешний 149 год 5 рублей оклад его сполна, да вперед по 150-й год половину окладу его 2 рубли с полтиной...» (стр. 486).

«...Семейка Иванов Дежнев, дано ему государева хлебного жалованья для янской юкагирской службы за прошлой 148-й год половину оклада — три четверти без полу-осмины муки ржаной да за крупу и толокно четверть муки ржаной. Да на нынешней на 149-й год дан оклад его полной 5 четвертей с осминою муки ржаной да за крупу и толокно 2 четверти муки ржаной, да за соль за полтора года дана осмина муки ржаной. (стр. 486).

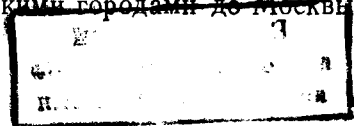
7 апреля 1642 г. ...Явочная челобитная ленских служилых людей Михаила Стадухина с товарищами, в числе которых Семен Дежнев, о тяжелых условиях своей службы на реке Оймякон, об отходе якутов и эвенков на кочевья на р. Лене, о предполагаемом походе на р. Мому. (стр. 491).

9 мая 1642 г.

«СЕ яз Семен Иванов Дежнев, да яз Михайло Васильев Стадухин, да яз Михайло Совин Коневал, да яз Павел Левонтьев, да яз Денис Васильев Ерило, да яз Вторко Гаврилов, да яз Ондрей Иванов служилые люди — все мы займшики, заняли есми в Ленском остроге у торгового человека, у Никиты Агапитова (ярославский), 15 рублей денег московских ходячих прямых без приписок до сроку до Николина дни вешняго 150-го году без росту. А поляжет кабала по сроце, и им платить на деньги рост на пять шестой. А начнем мы, займшики, за приставом платить все убытки кабальные, а нас где ея кабала выляжет, тут по ней суд и правит хто за кабалою станет, тот истец, а которые нас займшиков, в лицах, тот и люб». (стр. 492—493).

18 июля 1662 г. — Наказная память сыну боярскому Ивану Ерастову с товарищами — в числе которых Семен Дежнев, отправленных с соболиною казною из Якутского острога в Москву, в Сибирский приказ — о мерах охраны «казны» в пути.

«...из Якутского острога вверх Леною рекою на судах... Идти и днем, и ночью наспех, не приставая к берегу ни на один час..., придут на Усть-Куты реки... итти Куютою и Куюю реками до Усть-Мучи реки. С усть Куты или с усть Мучи реки... взять подводы, итти через Ленский волок до Илимского острога... плыть в Енисейский острог... взяв подводы ехать в Маков острожек... Оттуда плыть... Кетью рекою до Кетцкого острога до Оби реки и Обью рекою до Нарыму и до Сургута, и до Иртышского устья, и вверх по Иртышу в Тобольск, а ис Тобольска до Тюмени и до Туринского, и с Туринского до Верхотурья, и с Верхотурья через Верхотурский волок и русскими городами до Москвы»,

Не позднее 13 февраля 1665 г. — Дело о поверстании енисейского служилого человека Семена Дежнева в казацкие атаманы. (стр. 511—515).

25 февраля 1665 г. (179) г. «По указу великого государя окольничей Родион Матвеевич Стрешнев, приказал за его, Секину, службу и за прииск рыба зуба, за кость и за раны поверстать в атаманы и уладему учинить против его братьи атаманов 9 рублей денег, да хлеба 7 чети ржи, да 4 чети овса, да 2 пуда с четью соли, и о том ему дать на Лену в Якуцкой острог государеву грамоту, велеть ему быть в атаманах...» (стр. 314—515).

Не позднее 14 февраля 1665 г. Челобитная енисейского служилого человека Семена Дежнева об отпуске его из Москвы в Якутск.

14 февраля 1665 г. (Подорожная С. Д.) по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича указу боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому да окольничему князю Ивану Петровичу Борятинскому, да дьякам Миките Головину, да Ивану Горяинову.

Указал великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович дати от Москвы до Переславля Залесского, и до Ярославля, и до Вологды, и до Тотьмы, и до Устюга Великого, и до Соли Вычегодской, и до Кайгородка, и до Соли Камской, и до сибирских городов, до Верхотурья, и до Туринского острогу, и до Тюмени, и до Тобольска, и до Сургута, и до Нарымского, и до Кетцкого, и до Енисейского, и до Илимского, и до Якутского острогов Якутского острогу казаку Сеньке Дежневу подводы с санями и с проводники, а летом водою лотку и кормщика, и гребцов против подвод по указу... Такову память подписал дьяк Григорий Порошин (стр. 516).

28 февраля 1665 г. Проезжая грамота, данная енисейскому служилому человеку Семену Дежневу на проезд от Москвы с заездом в Устюг Великий — до Якутска (Ф. Сибирский приказ, ст. № 762, л. 11).

«От царя и великого князя Алексея Михайловича... В нынешнем году по нашему, великого государя, указу отпущен с Москвы в Сибирь на Лену в Якуцкий острог Ленской Якуцкого острогу казак Сенька Дежнев с нашею государевою с денежною казною. Да ему, Сеньке, по нашему великого государя указу велено взять на Устюге Великом племянника своего Ивашка Иванова з женою с Татьянкой Григорьевой дочерью, будет они вольные, а не тяглые, и не беглые, и не кабальные, и не крепостные, и никому до них дела никакова нет. И того племянника своего Ивашка з женою и з детьми велеть вести ему, Сеньке, в Сибирь на Лену в

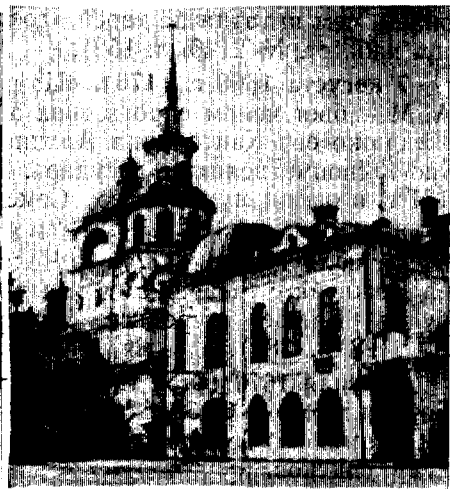
Памятник выдающемуся первооткрывателю С. И. Дежневу.

Вид на Успенский собор (XVII век).

Церковь Николая Гостинского (XVIII век).

Вид на Успенский собор (XVII век).

Якутской острог на указных своих подводах. И в русских и в сибирских городах боярину нашему и стольникам, и воеводам и всяким приказным людям, и таможенным и заставным головам велеть ево, Сеньку, и племянника его, Ивашку, з женою его, Татьянкою, в Сибирь и в Якутской острог пропускать без задержанья. А прочитая сию нашу, великого государя, грамоту, отдавати ему, Сеньке.

Писал на Москве лета 7173 февраля 28 день. Такову государеву грамоту подписал дьяк Григорий Порошин.

1 августа 1666 г. Поручная запись сына боярского Ивана Ерасова с товарищами, в числе которых казачий атаман Семен Дежнев, по промышленном человеке Петре Михайлове Ветчанине, верстаемого в казачью службу.

«—» Подписал «послуг служилой человек Михайло Тимофеев сын Булдаков». (Фонд Ленский приказ, изб. стч № 2107 л. л. 287—288).

11 июля 1668 г. «...Послан из Якутцкого острогу атаманишко казачей Сенька Дежнев с служилыми людьми на Оленек реку для великого государя ясашого збору к тынгусам и к якутам... А я, Сенька, остался на Оленьке реке с аманаты с тремя человеки с тынгусами в Оленском зимовьи. И живучи с служилыми людьми и помираем голодною смертию, что дано нам, холопам, хлебного жалованья не помногу, и что взяли и тем долги платили, но не живем, не знаем ни среды, ни пятницы, души свои скверним, всякого скверность принимаем, что дано, то съели, а впредь не знаем, чем питатца на твоей, государеве, службе...». (Ф. Якутская пр. изб., ст. № 2146, л. 152).

7 августа 1668 г. (176). «Царю, государю и великому князю А. М. ...бьет челом сирота твоя атамана казачья Семена Дежнева женишко его Каптелинка Архипова дочь., пожалуй меня, сироту твою своим, великий государь, соляным жалованьем вперед на 177 г. в оклад мужа моего Семена Дежнева». (Ц. Г. С. Ф. Якутская пр. изб., ст. № 2129 л. 122).

26 июля 1669 г. (177). — Челобитная казачьего атамана Семена Дежнева с товарищами о выдаче хлебного жалованья на службу на Вилюке (среднее зимовье). (Ф. Якутская пр. изб., ст. № 2128 л. 383).

20 июля 1670 (178) г. — Отписка якутского воеводы кн. И. П. Борятинского в Сибирский приказ об отсылке в Москву с казачьим атаманом Семеном Дежневым сметных, пометных, денежных и др. списков.

3 марта 1673 (181) г. ...Выдать великого государя за хлебное жалованье атамана казачья жене ево Семена Дежнева, Палагее

да ... по 2 пуда за рожь деньгами по осми алтын по 2 деньги за пуд...». (Ф. Якутская Прик. изб., ст. № 2162 л. 8).

1684 (193) г. сентября 1 — 1665 (194) г. сентября 1 — Из окладной книги денежного, хлебного и соляного жалования рушникам, оброчникам и служилым людям Якутского острога — о смерти Семена Дежнева.

«...Семен Дежнев по 181-м году (1672—1673) на Москве умер...». (Ф. Сибирская приказ., ст. № 65 л. 8).

17 июня 1667 (175) г. «...Бьет челом вам, атаманишко казачей Сенька Иванов Дежнев.

В прошлом великие государи, во 174 г. служилой человек и кузнец Иван Арбутов умер, а остался сынишка его Оська, а женишко его, Капку, взял за себя я, холоп ваш...» (стр. 538).

15 апреля 1675 (183) г.

«...А он, Семен, умер, а жена его Пелагея после его, Семенова, смерти вышла замуж за казака за Гришку Ларионова». (Ф. Якутская пр. изб., ст. № 2429 л. л. 5, 6, 11).

* * *

Алексей Михайлович, царь (1645—1676 гг.).

Андреев Афанасий, «человек Василия Федотовича Гусельникова»,

Астафьев Бессон — приказчик Афанасий Федотовича Гусельникова;

Атласов Владимир — як. казак, служил на р. Охоте в 50-х гг.,

Булдаков Тимофей Михайлович, як. казак, приказчик Колымского острога в 50-х гг.,

Васильев Борис — приказчик торг, чел. гост. сотни Василия Федотовича Гусельникова,

Вершин Сидор Фомин — »,

Гусельников Афанасий Федотов, устюжанин, торг. чел. гост. сотни,

Данилов Иван,

Иванов Борис — приказчик торг. чел. гост. сотни Василия Федотовича Гусельникова,

Иванов Григорий — »,

Иванов Елизар — брат приказчика Василия Федотовича Гусельникова Якова Кондрина,

Квашнин Иван — устюжанин, торговый человек,

Кокорин Яков Кузьмин — приказчик торг. чел., гост. сот. Василия Федотовича Гусельникова,

Кораблев Демьян — устюжанин, торг. чел., таможенный целовальник (жиганское зимовье),

Корзников Лука — устюжанин, торг. чел. (июнь 1657 г. — Анадырь—Якутск),

Лукьянов Матвей — приказчик т. ч. г. сотни Василия Федотовича Гусельникова (июль 1648 г.),

Микифоров Максим — приказчик т. ч. г. сотни Василия Гусельникова (Инд-ка, Колыма и др.),

Нерадовский Семен Тимофеев — приказчик т. ч. г. сотн. В. Г. (1647 г. — Москва—Лена—1649 г.),

Остафьев Михаил — племянник Василия Гусельникова (1641 г. в Енисейском остроге),

Павлов Родион Михайлович — стряпчий, мангазейский воевода с 6 марта 1663 г. по 1668 г.,

Петр Алексеевич — царь (1696—1725),

Питухин Вторко Ларионов, уроженец Устюга Великого — якутский казак, служил в Охотском остроге (1661—1663).

Попов Федот Алексеевич — холмогорец, приказчик торгового человека Алексея Усова,

Семен Лука — устюжанин,

Сиверов Лука Васильев — устюжанин, приказчик торгового человека г. сотни Алексея Усова (1642 Шигон. засоб., 1644, 1653),

Стахийев Михаил — племянник т. ч. г. сотни Вас. Гусельникова (1643 — из Як. остр. вниз по Лене),

Степанов Емельян — племянник Федора Алексеева Попова (вниз по Лене на Оленнск) 1642,

Стрешнев Родион Матвеевич — окольничий, стал. во главе Сибирского приказа,

Татарин Михаил — дворовый человек А. Ф. Гусельникова (1642, из Ен. острога на Лену),

Усовы Алексей, Василий, Иван — торг. ч. гост. сотни,

Устюжанин Авксентий Филатов — охочий и промышленный человек (1651—1653),

Устюжанин Алексей Иванов — племянник приказчика Т. Фалалеева (1642 г. из Якутска на Лену),

Устюжанин Иван Данилов — покрученник (1648 к Лен. волоку, (Сиб. пр. 1).

Устюжанин Борис Иванов — покрученник (1646, Лена, Инд., Яна, Колыма),

Устюжанин Ждан Григорьев (1644 г. вниз по Лене и вверх по Вилюю),

Устюжанин Прокофий Иванов — якутский казак,

Устюжанин Пятой Иванов — покрученник Вас. Гусельникова,

Фалалеев Третьяк — приказчик Ивана Усова (1642),

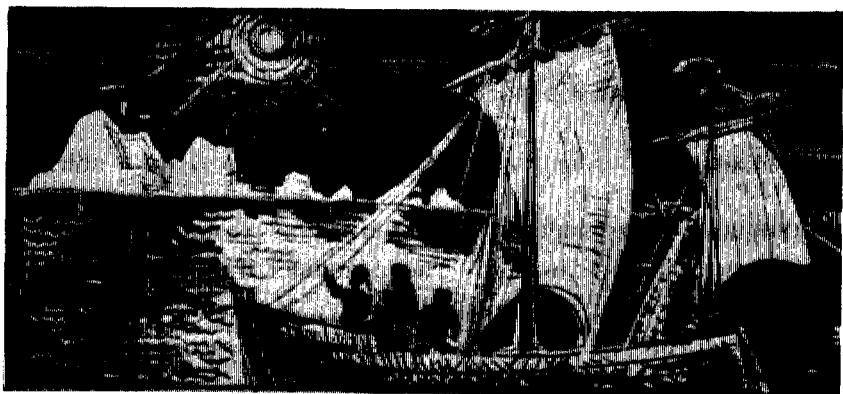
Федоров Тимофей — приказчик торгового человека Вас. Гусельникова (1649),

Хабаров Ерофей — торговый человек, сын боярский. В 1650—1653 гг. возглавлял «экспедицию» в Приамурье,

Черевковец Иван Андреев — приказчик гостя В. Гусельникова (1649),

Чирка Иван Яковлев — приказчик Вас. Гусельникова (1646).

8 марта 1655 г. Отписка сына боярского Андрея Булыгина в Якутскую приказную избу о походе по рекам побережья Охотского моря с участием Владимира Атласова (стр. 303—306).

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах (сб. документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII в.).

Составил М. И. Белов. Издательство Главсевморпути. Ленинград, 1952. Москва.

В О ВТОРОЙ половине XV века в процессе борьбы с татарским игом и феодальной раздробленностью сложилось централизованное Русское государство.

Одним из крупнейших показателей хозяйственного и культурного роста русского государства являлись великие географические открытия, совершенные русскими в Арктике и Сибири.

Еще в XI веке новгородские дружины и промышленные ватаги переходили через Урал, появлялись в далекой Сибири и на островах Баренцева моря.

В 1491 году Иван III снарядил на Печору большую экспедицию для поисков серебряной руды. В годы походов Колумба московский дипломат Дмитрий Зайцев, находившийся в Дании, при возвращении на Родину проложил путь вокруг Скандинавии к устью Северной Двины (1494 г.). После Зайцева этот путь повторили послы великого князя Московского Григорий Истома (1496 г.), Дмитрий Герасимов и Третьяк Долматов (нач. XVI в.). Дмитрий Герасимов — первый из географов выдвинул идею Северного морского пути из Европы в Китай.

Переломной вехой географических открытий последующих веков был поход донского казака Ермака Тимофеевича за Урал (1581—1582 гг.), который, по определению К. Маркса, положил основу азиатской России.

Чтобы определить причины движения народных масс за Урал, встреч солнца, начавшегося вслед за походом Ермака в Сибирь, и через 50 лет приведшего русских на морские просторы северо-востока, к Берингову проливу, надо уяснить особенности этой эпохи. Это было время больших политических и социальных сдвигов.

Расширение многонационального русского государства за счет присоединения сибирских племен и народностей шло одновременно с новыми географическими открытиями.

Создание мощного русского государства во главе с единым правительством опиралось на процесс концентрации «небольших рынков в один всероссийский рынок».

Установление торговли Московской Руси с западноевропейскими и восточными государствами.

Непосредственным толчком массового ухода крестьян из центральных областей на окраины был хозяйственный кризис 1570—1580 гг., вызванный продолжительной войной Руси со Швецией за берега Балтийского моря.

Все эти причины остались в силе и в XVII веке. В эти годы из Мангазеи на Архангельский рынок и среднеазиатские ярмарки потоком шла драгоценная пушнина, приносившая царской казне и Московскому купечеству большую прибыль.

Выдающимся событием этого времени был морской поход вдоль берегов Чукотского полуострова во главе с казаком Семеном Ивановичем Дежневым. Своим плаванием он доказал наличие пролива между Азией и Америкой. Его поход уже не оставлял сомнений в том, что Азия отделена от Америки. Если Христофор Колумб открыл Америку, то Семен Дежнев доказал, что она является самостоятельным континентом. Вот почему в истории географических открытий его имя должно стоять в одном ряду с именами Колумба и Магеллана. Открытие пролива из Ледовитого океана в Тихий рассеяло сомнения в возможности плавания сибирских мореходов из Европы в Китай.

Поход Владимира Атласова на Камчатку на исходе XVII века положил начало новой полосе открытий — экспедициям в Тихий океан, приведшим русских мореплавателей в Западную Америку, на гряды Курильских, Командорских и Алеутских островов.

Понятие служилый и неслужилый человек в условиях Восточной Сибири являлось число формальным. Казацьи войска не были однообразны. Казацкой старшине полагалось значительное денежное и натуральное жалованье. Например, атаманы или сын боярский получали от царя ежегодно до 45 пудов хлеба, 25 пудов

овса, столько же крупы, 10 пудов соли, не считая большого денежного жалованья.

Торгово-промысловые люди Сибири — это среда крайне пестрая и разнообразная, но зато властная и богатая прослойка купцов. В восточной Сибири чаще всего выступали купцами приказчики «царских гостей» Светешникова, Усовых, Гусельникова, Задорина, Ревякина и др. Эти люди, располагая тысячным состоянием, снаряжали достаточно оснащенные экспедиции в «новые земли».

Первые документы о С. И. Дежневе были обнаружены академиком Г. Ф. Миллером в 1786 году в Якутском областном архиве. Члену Русского географического общества Н. Н. Оглоблину удалось обнаружить в делах Сибирского приказа четыре челобитных С. И. Дежнева царю Алексею Михайловичу. В них помимо автобиографических сведений имеются упоминания об его историческом походе. Их он приложил к своей статье о Дежневе, напечатанной в журнале Министерства народного просвещения за декабрь 1890 года.

Во время подготовки к 300-летию юбилея плавания Дежнева проливом между Азией и Америкой нами в делах Якутской приказной избы было обнаружено еще несколько документов, в том числе четыре челобитных Дежнева о его службах на Анадыре, о морском походе летом 1648 года, которые были приложены к книге «Семен Дежнев», выпущенной издательством «Главсевморпуть» в 1948 году. Но все же до сих пор материалы о походах и службах С. И. Дежнева не были сведены воедино.

Небольшая часть документов Якутской приказной избы XVII века остается в Якутске. Нам не удалось с ними познакомиться.

В 1632 году основан Якутский острог. Вслед за отплытием на р. Оленск Иваном Ребровым и р. Яны Ильей Перфирьевым в 1638 году было обнаружено устье р. Индигирки с моря. В 1642 году с Индигирки на Алазею по морю прибыли отряды казаков Дмитрия Зыряна, Семена Дежнева и Михаила Стадухина, а через год они совершили выдающийся морской поход к устью Колымы.

Морской поход казака С. И. Дежнева вдоль берегов Чукотского полуострова летом 1648 года был не только выдающимся географическим мероприятием, но и крупнейшим событием общерусской политики 40—60-х годов XVII века, осуществленным в период подъема экономической и политической жизни Русского государства.

Он завершил собой величественное движение русских мореходов по «студеному морю», начатое в XVI веке, это означало, что

Прокопьевский собор (XVII век).

Церковь Вознесения (XVII век).

Церковь Вознесения (XVII век).

Церковь Вознесения (XVII век).

новые громадные пространства северо-восточной Сибири, населенные юкагирами, ходынцами, анаулами и коряками, дожившими до сих пор, оторванные от внешнего мира, были включены в состав сильного централизованного государства. Только при помощи великого русского народа народности Сибири, в том числе племена Анадырского края, Чукотки, Камчатки смогли свергнуть угнетающую их церковную власть.

Поход С. Дежнева, завершившийся присоединением громадного района р. Анадырь к России, явился выдающимся политическим событием XVII века. Он отражает одно из главных направлений внутренней политики Московской Руси. В его подготовке активно участвовали приказчики московских купцов — царских гостей Гусельникова и Усова. На их деньги были куплены суда и снаряжены экспедиции в «новые земли». Их люди и они сами участвовали в походах. В частности, экспедиция С. Дежнева была проведена на средства московских купцов, отстаивавших экономическую независимость России.

Мы видим в эти годы гостей Гусельникова и Усова, среди них — торговых людей, которые настоятельно добивались при дворе царя Алексея Михайловича запрещений деятельности английской «Московской компании», т. е. английские купцы мешали развитию русской внутренней и внешней торговли. «Московская компания» претендовала на исключительную роль в экономике и угрожала ее национальной независимости. По настоянию царских гостей царский двор летом 1649 года во время похода С. И. Дежнева отдал приказ об изгнании англичан из России. Укрепляя позиции купцов, поощряя их торговые операции, царское правительство с 40-х годов старалось ускорить процесс объединения местных рынков в один, всероссийский.

С 1652 года С. И. Дежнев в течение 10 лет руководил морским промыслом Анадыря, принесшим большие прибыли государству.

Поход Дежнева С. И. самым тесным образом был связан с внутренней жизнью Московской Руси и целиком вытекал из основных направлений ее политики.

Великий Ломоносов первым высоко оценил подвиг С. И. Дежнева. В своем известном сочинении «Краткое описание разных путешествий» (1763 г.) он поставил морской поход С. И. Дежнева в один ряд с крупнейшими географическими открытиями.

Широкую известность получил подвиг Дежнева в дни 250-летия (1898 г.) со дня исторического плавания, которое отмечало Русское Географическое общество. По его представлению правительство приняло решение о переименовании мыса Восточного

в мыс Дежнева. На торжественном заседании общества его член Ю. И. Шокальский сделал доклад об открытии русскими пролива между Азией и Америкой.

В 1945 году появился сводный труд о жизни и деятельности С. И. Дежнева, написанный В. А. Самойловым (Семен Дежнев и его время. Издательство Главсевморпути, 1945 г.).

Но особенно широкое признание заслуг С. И. Дежнева перед географической наукой имело место во время празднования 300-летней годовщины со дня его исторического похода. По представлению Всесоюзного Географического общества Советское правительство приняло специальное постановление об увековечении памяти С. И. Дежнева (БСЭ, изд. 2, т. 13, стр. 555).

В 1948 году Совет Министров СССР учредил премию С. И. Дежнева, присуждаемую Географическим обществом СССР один раз в три года за лучшие труды и исследования по географии Северо-восточной Азии. Положение о премии Дежнева напечатано в «Известиях Всесоюзного Географического общества». (т. 80, 1948 г., выпуск 6, стр. 663—664, постановление № 2992 от 10 августа 1948 г.).

Горсовет города Великого Устюга принял решение о переименовании одной из городских улиц в улицу Семена Дежнева.

Издательство географической литературы и издательство Главсевморпути выпустили юбилейные книги о великом русском полярном мореходе (С. Н. Марков «Подвиг Семена Дежнева», Географическое изд., 1948 г., М. И. Белов «Семен Дежнев», изд. Главсевморпути, 1948 г. и т. д.).

Путешествие С. И. Дежнева по северо-восточным рекам открылось походом на р. Оймякон к полюсу холода. Затем вместе со Стадухиным и другими казаками он перешел в низовья Индигирки и оттуда по морю — пришел на Колыму.

В делах Якутской таможни нам удалось обнаружить «выписи» и проездные грамоты дежневцев. На основании их можно установить некоторые детали подготовки похода. Эти источники характеризуют экспедицию как выдающееся торгово-промысловое предприятие своего времени. На ее снаряжение ушли большие средства. Достаточно сказать, что капитал трех приказчиков — московских гостей Федота Алексева, Афанасия Андреева и Бессона Астафьева, потраченный для поездки на Колыму и на поход вокруг Чукотки, выражается в 2123 рубля (в переводе на деньги конца XIX века — более 25000 рублей). В экспедиции приняли участие главным образом промышленные люди (90 человек), располагавшие достаточным для плавания запасами хлеба, одежды,

снаряжения, судами и судовыми снастями, навигационными приборами.

20 июня 1648 года на шести кочах С. И. Дежнев вышел в море. (Русские до похода С. И. Дежнева знали об Аляске). Первые дни плавания протекали сравнительно хорошо, но в районе мыса Шелагского, как рассказывали через год местные жители (док. № 33), кочи попали в бурю. У прибрежных скал два судна потерпели крушение. Их экипажи едва выбрались на берег, где все люди погибли в борьбе с чукчами. Дежнев с остальными судами продолжал плавание. К началу сентября они вышли в пролив, отделяющий Азию от Америки. Здесь, на берегу большого «Чукотского Носа», (сов. М. Дежнева) была сделана остановка, во время которой промышленники побывали на островах Берингова пролива, населенных эскимосами. Приняв эти острова за берег Новой Земли или Америки, С. И. Дежнев продолжал путь. Неприветливые, голые, безжизненные скалы Чукотки не привлекли внимания мореплавателей. Теперь их кочи шли прямо к Анадырскому заливу. Следующая, возможно, вынужденная остановка произошла, как теперь становится известным, у мыса Чукотского, там, где несколько лет спустя, по следам Дежнева, прошла другая русская экспедиция под руководством Курбата Иванова. От Чукотского мыса, от самых ворот Анадырского залива, кочи Дежнева направились в море. Через семь дней они пристали к берегу Олюторского полуострова. Суда Федния Алексеева и Герасима Анкудинова буря отбросила на Камчатку, где, как потом выяснилось, эти люди погибли. От Олютарского полуострова Дежнев вместе с 24 товарищами пешком отправился на Север. Только к началу следующего года удалось им достигнуть устья Анадыря. Поднявшись вверх по течению реки, С. И. Дежнев построил зимовье и острожье, где в течение длительного времени служил приказчиком.

Плавание Дежнева и дальнейшие географические открытия русских на Анадыре в известной мере определили направление колонизации на северо-востоке Сибири. Поток людей, до этого времени искавший путей в земли, лежащие к северо-востоку от Колымы, к ожиданиям Дежнева обратился на юг, в богатые пушным зверем леса, на Олюторский полуостров и Камчатку. Видную роль здесь сыграло открытие сухопутной дороги с Колымы на Анадырь через Анюйский хребет и отдели в устье Анадыря, на которых водилось много моржей. С Анадыря начал свой поход Владимир Атласов, присоединивший Камчатку к Русскому государству (1640—1641 гг. — челобитная царю Михаилу Федоровичу). Согласно выданной ему Наказной памяти, воевода п. Головин принял на Лене казаков, которые из года в год посылались туда из Енисейского острога. Среди этих служилых людей, прибывших

ещё в 1638 году, находился и С. И. Дежнев по приказу Головина с 1640 года. Семен Дежнев был оставлен служить в Ленском остроге.

Годовое казачье жалованье равнялось 5 рублям, 5 и 1/4 четвертей ржи, 4 четверти овса и 1 и 1/2 пуда соли (в данном случае четверть равна четырем пудам).

Федот Алексеев родом из Холмогор, торговый человек, спутник С. И. Дежнева по морскому походу 1648 года, являлся приказчиком гостя Алексея Усова. Из челобитной С. И. Дежнева до 17.08.1641 года царю Михаилу Федоровичу видно, что он до своих походов состоял в браке с якуткой Абакаядой Сичю. По его челобитной было вскоре принято решение, гласящее: «Семена Дежнева жену крестить Абакан».

27 июня 1646 года роспись товарам Афанасия Андреева и Бессона Астафьева, приказчиков торгового человека Афанасия Гусельникова, поданная в Якутскую таможенную избу на поездку «вниз по Лене и морям на Индигирку и Колыму Афанасий Андреев и Бессон Астафьев, приказчики гостя Афанасия Гусельникова, прибыли на Колыму к началу похода С. И. Дежнева. В этом походе оба они погибли.

Семен Дежнев переехал с Анадыря на Колыму в 1660 году и летом того же года просил приказчика Ивана Ерастова направить в Якутск «костяную казну» — 130 пудов моржовых клыков, из них 50 пудов своего промысла. Они отказались, в связи с этим Дежнев прожил на Колыме еще год, дождавшись попутчика. Следующим летом вместе с Иваном Ерастовым на его коче он вышел в море.

Вблизи Святого Носа коч попал в лед, затем его прижало к земле. Благодаря большому морскому опыту и смелости, Дежневу и Ерастову удалось вывести свое судно в открытое море и к осени прибыть в Жиганск. В апреле 1662 года с началом навигации «костяная казна» была доставлена в Якутск по Лене. Приложенная к этому документу роспись посланной в Москву «костяной казны» полна мелких, но любопытных подробностей. Так, например, выясняется, что Семен Дежнев пожертвовал частью моржовых клыков в кредит церкви Ивана Уродливого. Подобные религиозные приношения в старину имели глубокий смысл. Было бы чрезвычайно важно знать местонахождение указанной церкви, существовавшей на Поморье, на родине Дежнева. Тогда можно было бы точнее, чем до сих пор, определить село или город, где родился и вырос великий мореход.

18 июля 1662 года Наказная память Якутского воеводы Ивана Большого Голенищева — Кутузова сыну боярскому Ивану Ерас-

тову с товарищами, в том числе енисейскому казаку Семену Дежневу, доставил в Москву собольной ясачной, десятинной и костяной казны.

ЦГАДА, Якутская Приказная изба, столбец 174. В этом же столбце (98—99) имеется Наказная память Ивану Ерастову, в которой, между прочим, сказано, что в провожатых отпущено с ним 16 казаков, да Енисей — служилый человек Семен Дежнев. В подорожной грамоте (лл. 100—101) также вписан Семен Дежнев.

Дорога в Москву, по которой Ерастов и Дежнев ехали с собольной казной, была обычным сухопутно-речным путем с Лены в Россию летом, обычно плавали на дошаниках до Ленского волока, откуда переходили на реку Верхнюю Тунгуску. По ней шли на судах до Енисейска. Там была первая кочная остановка, чаще всего совпадающая с зимовкой.

На следующий год люди переходили волок и продолжали плавание по р. Кеть, откуда они попадали в Обь, а затем в Иртыш и Туру. Верхотурье было последней остановкой на Сибирском пути.

С Лены имелась еще другая московская дорога, но по ней ездили только с легкими грузами. Она начиналась у чечуйского волока, проходила по Нижней Тунгуске до Туруханска и р. Таз, а оттуда по морю до Березова.

С Березова имелось два пути в Россию: один шел в Тобольск по Оби, другой — через Уральские горы, систему протоков Печоры, с Печоры на Вологду, а оттуда — в Москву. Этот путь был самым коротким.

9 декабря 1641 года прибыли в Сибирский приказ десятичники Сухан Ермолин и Ларрион Кузьмин. Они рассказали, что вышли в дорогу 29 июня этого года с Чечуйского волока, прошли за полдня волок и за 3 недели и три дня — Нижнюю Тунгуску до Туруханска.

Простояв здесь 2 дня, они 6 дней ехали до Мангазеи, где им пришлось дожидаться 12 дней попутного судна. До Обдорской заставы казаки шли 3,5 недели, потому что на море задержала погода. Спустя шесть дней, они вышли в Тобольск. На Оби их застали морозы, так что вся дорога от Обдорска до Тобольска заняла 4,5 недели. В нем они жили 2 недели, а до Москвы шли 8 недель. Таким образом, за 5 месяцев и 13 дней эти казаки прошли свыше 5 тысяч километров (для того времени это было очень быстро). Обычно с Лены в Москву через Енисейск, Тобольск и Верхотурье ходили не менее полутора—двух лет.

Сын боярский Курбат Иванов принял у Дежнева Анадырский острог 29 мая 1659 года.

25 февраля 1655 года челобитная Ленского казака С. И. Дежнева царю Алексею Михайловича с просьбой отпустить из Устюга Великого в Якутск племянника его Ивана Ивановича.

На обороте решение: 173 году, февраль 25 день, велеть ему того племянника своего вести с собою в Сибирь на своих подводах, буде он вольной, а не тяглой.

ЦГДА, Сибирский приказ, ст. 762 № 10 опубликовано Г. Г. Оглоблиным в журналу Министерства народного просвещения, ч. 272, декабрь 1890 года.

Эта челобитная до сих пор является единственным документом, указывающим место происхождения С. И. Дежнева.

В переписных книгах Устюга Великого фамилии Дежнева нет. 3—7 августа 1668 года дело об отпуске жены Семена Иванова Дежнева на реку Оленск.

С. Дежнев, видимо, был женат дважды. Первая его жена, осталась в доме якута Манякуа, когда летом 1641 года С. Дежнев отправился в поход на реку Оймякон. Сын Дежнева Любим, по всей вероятности, родился от второго брака. Он поступил на казачью службу сразу после смерти своего отца и прослужил до 80-х годов XVIII века.

Нам известно, что вместе с Владимиром Атласовым Любим Дежнев нес службу на реках, впадающих в Охотское море, — Охоте, Улье, Уде, Учуре, где он служил приказным человеком.

Поезда Дежнева в Москву в 1670 году была последней. Тимофей Булдаков совершал походы на Колыму и обратно, Тимофей Кузнец, он же Тимофей Булдаков. О его плавании летом 1650 года с Лены на Колыму (ДАИ III № 79).

8 апреля 1654 года отписка служилого человека Тимофея Булдакова с Омолоевы реки Якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о том, что их суда, пополненные собольиной казной с Колымы и Алазеи, разбило на море у устья Яны, и они на нартах дошли до Омолоевы реки, откуда будут пробираться на Лену.

Казак Тимофей Булдаков, по прозвищу кузнец, поздним летом 1649 года был послан приказным на Колыму. Из-за сильных ветров и морозов он не смог выйти из Лены и зимовал в Жиганске. Следующим летом с другими казаками, плывшими на Алазею и Индигирку, Булдаков вышел в море. После полуторамесячных мытарств им удалось дойти до устья Индигирки, где их вновь ждали несчастья. Унесенные со льдами в открытое море, бросив

свои кочи, они едва нашли дорогу к материку. С Индигирки Булдаков перешел по суше на Колыму и служил там в течение двух лет.

Тимофей Булдаков был приказчиком на Колыме в 1650—1652 гг. Семен Дежнев был приказчиком на Анадыре с 1649 по 1659 г. Владимир Атласов был приказчиком на Анадыре с 1696 по 1697 г. Список предполагаемых участников морского похода С. И. Дежнева летом 1648 года: руководители похода С. И. Дежнев, Алексей Холмогорец, Афанасий Андреев, Бессон Астафьев. Люди с коча С. И. Дежнева: Кирилл Стефанов, Петр Аникиев, Шукин, Михаил Малафеев, Василий Алексеев, Ларион Логинов, Панфил Лаврентьев, Иван Савин Прикол, Прокофий Ерофеев, Яков Игнатьев, Нехороший Григорьев, Савва Васильев, Василий Фомин, Ефим Кириллов, Нехороший Панфилов, Иван Григорьев, Павел Леонтьев, Максим Семенов, Яков Афанасьев.

Хронологическая таблица мореплавания на северо-востоке Сибири в XVII веке. 1642 год. Михаил Стадухин и Семен Дежнев с отрядом казаков (коч) — Индигирка—Алазея.

1642 год — лето—осень—Федот Алексеев — Якутск—Оленгск.

1643 год — лето — Семен Дежнев — Алазея—Колыма.

1645 год — торговый человек Михаил Стахеев Гусельников — Якутск—Индигирка — лето.

1646 год — июнь—октябрь — Михаил Стахеев Гусельников — Индигирка—Жиганск.

1647 год — лето—осень — Михаил Стахеев Гусельников — Якутск—Яна.

1647 год — июнь — отряд во главе с С. И. Дежневым — Нижнеколымск—Море (Анадырь).

1648 год (20 июня — октябрь) — морской поход С. И. Дежнева на Анадырь (7 коч.) — Нижнеколымск—Олюторский п-ов.

1650 год — лето—осень — Тимофей Булдаков — Жиганск—Индигирка (Алазея—Колыма).

1650 год — лето — 27 августа — Федор Лаптев — Колыма—Жиганск.

1653 год — 8 июля—8 сентября — Тимофей Булдаков — Колыма—Яна. (Якутск).

1661 год — лето—осень — Семен Дежнев — Колыма—Жиганск.

В. Н. Скалон. Русские землепроходцы-исследователи Сибири XVII века.

Под ред. М. А. Сергеева. Издание Московского общества испытателей природы. Москва. 1951 г. Тираж 3000 экз.

И В НАШЕ время есть, к сожалению, авторы, отрицающие исследовательские заслуги наших предков. Достаточно сослаться на М. А. Дьяконова, который, говоря о первых русских в Сибири, заявляет высокомерно: «В XX веке только наивный или легкомысленный читатель может серьезно верить в исследовательские наклонности, скажем, Ермака» (Дьяконов М. А. Путешествие в полярные страны. Л., 1933). Даже исторические открытия С. Дежнева были, по его мнению, случайным достижением грабителей, бродяг. «Конечно, они никогда не были исследователями в истинном смысле этого слова», — утверждает он.

И к ним хорошо подходят слова Ломоносова, который писал о настроениях Шлецера: «Из сего заключить можно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная к ним скотина». (стр. 6).

«Мы знаем историю Пизарро, историю Кортеса, Веспуччи, но знаем ли мы Василия Пояркова, знаем ли Ерофея Хабарова, знаем ли Онуфрия Степанова, знаем ли сотника Дежнева?»

«История географических открытий», изданная в 1928 году, указывала: «Во время движения на Восток казаки проявили себя отличными исследователями новых стран. Они даже опередили европейские народы, которые в то время почти не занимались географическими исследованиями с научными целями». (стр. 455).

В XVI—XVII вв. происходит освоение и открытие огромной территории на Востоке — от Урала до Тихого океана. Процесс этот протекал стремительно (60 лет) и осуществлялся не только центральной властью, но также сибирскими промышленниками и служилыми людьми.

Великие географические открытия XVII века в Сибири имели важнейшее научное значение, но они не были самостоятельной задачей, а лишь составной частью другой, огромной и важной политико-экономической задачи — охраны границ России от иностранного вторжения на востоке и создания всероссийского рынка.

В сочинении Исаака Массы о покорении Сибири мы находим следующие интересные сведения. В повествование Федора Ивановича, по инициативе Строгановых и при поддержке Бориса Годунова, «в Самогедию и в Сибирь была отправлена группа людей с посольскими и исследовательскими задачами».

Движущей силой, истинным исполнителем всех русских предприятий в Сибири был «служилый человек». Он находился на «государевом хлебном, соляном и денежном жаловании» ничтожном по размеру и выдававшемся неаккуратно, часто с перерывами во много лет.

Ничтожность «доходов» служилых людей, далеко не возмещаемая принимаемыми повседневно страданиями, не говоря уже о гибели, никак не вяжется с «жаждой наживы», о которой говорят некоторые авторы. Ими руководил необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям, жажда знания — что таится в неведомых местах. Об этом свидетельствуют неопровержимые исторические факты (Житков Б. М., Город Мангазея и торговый путь через Ямал. М., 1903 г.).

Никита Прокофьев, посланный из Якутска в Даурскую землю, в 1652 году сменил Ерофея Хабарова.

В 1627 году составлена «Книга Большого чертежа», в которой Сибирь была картирована до Оби, а бассейн этой реки — до Нарыма.

1580 год — Ермак вступил в Сибирь (Щеглов Н. В., Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1883 г., стр. 29).

1643 г. — Поярков достиг Амура, а в 1645 году открыл Шантарские острова.

1648 год — Дежнев обогнул Азию с северо-востока.

1698 год — чертеж всей Сибири Ремезова.

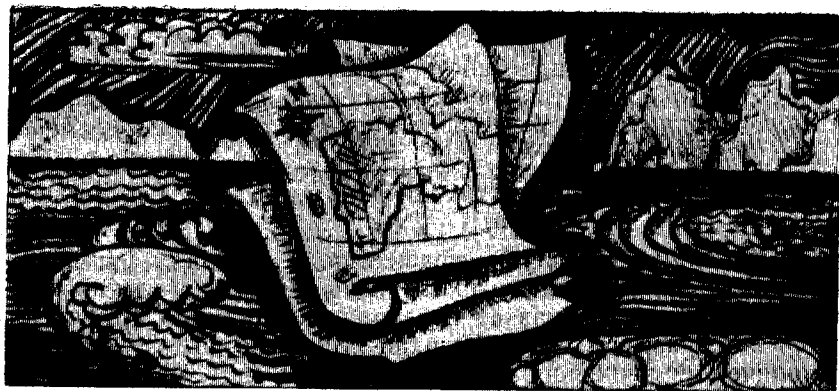
1745 год — издан атлас Российский под ред. Делиля.

Чтобы понять грандиозность этих начинаний, нужно учесть прежде всего исключительную медлительность передвижения тех времен. Например, на переезд от Москвы до Охотска требовалось более трех лет.

Выдающимся событием явились издания «Атласа Российской империи» И. И. Кириллова, 1734 г.

Ценнейшими для науки сведениями, в частности, замечательными данными о растительности вновь обретенной земли — Камчатки отличаются «сказки» прославленного «камчатского Ермака», как называл А. С. Пушкин В. Атласова (А. С. Пушкин. Исторические сочинения. Изд. 3, 1887 г.).

«Рыбий зуб» — моржовые клыки шли главным образом на Восток — в Царь-град, Крым, Персию, Бухару, где они употреблялись на оправу ножей и кинжалов. Порошок из этих клыков считался целебным.

**Русские открытия в Тихом океане и Северной
Америке в XVIII веке.**

(Под ред. доктора исторических наук А. И.
Андреева) ОГИЗ. Москва, 1948 г. 15000 экз.

Стр. 170. 1767 год февраля 23. Доклад Адмиралтейской коллегии о карте устюжского купца Василия Шилова, с приложением его объяснений.

В СЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ державнейшей великой государыне императрице и самодержице всероссийской всеподданнейший доклад от адмиралтейской коллегии.

Во исполнение всевысочайшего вашего императорского величества, данной оной коллегии мая в 4 день прошедшего 764 году, указа, и дополнению о прежде найденных от Камчатки и Америки островах новейших известий, присланной от генерал-майора и сибирского губернатора Чичерина по требованию коллегии, из бывалых на упомянутых островах устюжской купец Василий Шилов предложил коллегии на рассмотрение вояжам своим при камчатских островах карту, а на оной как о местоположениях тех островов, так равно и о тамошних жителях, о их промыслах и о прочем з довольным основанием изъясняться. И коллегия, имея по той его карте рассмотрения и сводя его с картою и бывшего капитана Чирикова, как з дальнейшим от Камчатки к Америке и плаванием, и приняв оное с совершенным удовольствием, осмеливается как оную, так равно и учиненное на коллегии по точному его объявлению объяснение вашему императорскому величеству при сем представить, и при том донести, что коллегия оно его, Шилова, объяснение о таможенном мореплаваннии и про-

мыслах, тако ж и сопряженных с оными обстоятельствах, а особливо карту для сведения и воспользования оными, почитает не без важными, пбо, хотя она не может почестся за точную и совершенно на правилах мореописания основанного, однако для первых начал довольно изрядного, почёму приложенное от него к тому старание, а более участие в понесенных им трудах по толь отдаленным странам с распространению российского мореплавания и купечества, паче ж в открытии новых земель, кои могут служить довольным началом к дальнейшем такова ж рода приобретениям, заслуживает апробацию и всевысочайшую вашего императорского величества милость, при сем Адмиралтейской коллегия за должность почитает вашему императорскому величеству не умолчать о приносимых им на охотского командира полковника Плеписифа жалобах, что оный во отправлениях к походам на промыслы под разными видами их удерживает, и тем желаемому успеху препятствует, то не соизволите ли в. и. величество препоручить сие в особое уважение сибирскому губернатору, коего о ревности и усердии коллегия из прилагаемых от него по комиссии капитана Крепицина стараний весьма уверена. А притом ваше императорское величество, всеподданейше донести и то, сколь по объявлению упомянутого ж купца Шилова все промысленники, находящиеся в Охоцке, флотским капитаном-лейтенантом Иванов Извековым довольны, который все старание свое в подавании им в плаваниях наставлений и надлежащего вспомоществования употреблять не оставляет, почему он от Коллегии и уставом определен, рекомендовав при том, чтоб он сей похвальной поступок продолжать не оставил, за что конечно высочайшего вашего императорского величества милостно оставлен не будет. А к сибирскому губернатору об обратном направлении вышеписанного купца Шилова и о показании оттуда до принадлежащего ему места всякого удовольствия писано, с таким притом изъяснением, что коллегия присылкою от него того купца весьма довольна. А как уповательно, что он, губернатор, имеет у себя какие-либо новые известия, а может быть и карты, равным образом и впредь таковые ж получать может, то Коллегия не иначе как за большое удовольствие почтет, если он, господин губернатор, таковые известия и карты, как бы они мало основательны не были, ей сообщать, не оставили.

Семен Мордвинов, Алексей Нагаев, Федор Селиванов, Иван Селиванов, Иван Кутузов. (Февраля 23 дня 1767 года).

Объяснение, взятое в коллегии Адмиралтейской сего февраля 5 дня от устюжского купца, бывшего в Камчатке на тамошних морских островах, Василья Шилова, и о представленной им плаванья своего карте.

И Адмиралтейская коллегия, рассматривая ту карту и свод ее с картою ж капитана Чирикова, как з дальнейшим от Камчатки к Америке плаванием, усматривает:

1-е. Показанная купца Шилова карта содержит в себе пространство от Берингова острова до Большого острова Аляски и по взятым на оную от него изъяснением оказывается, что плавание его ж того простиралось толко до восточного конца острова Амля, до которого по лагу, мерянному им, Шиловым, и румбам делает 2195 верст; а от того Амля до южного конца ж большого острова Аляски и с лежащими между ими др. островами, на которых он сам не бывал, но по уверению алеутов, положено 1096 верст; а всего по той его карте от Берингова острова до конца Аляски выходит 3291 верста.

А по карте ж капитана Чирикова, яко дальнейшего плавания от Камчатки к Америке, по исчислению до последнего места, где он мастера Дементьева оставил, сочиняет 3984 версты; из сего видно, что Чириков в следование свое от камчатских до Американских островов был далее, нежели как остров Аляска обстоит. Он же, Шилов, объявляет, что в продолжение его при Алеутских островах плавания до упомянутого острова Амля, видал в сторонах от него к северу и югу еще другие острова сам, а о других от жителей слышал, что есть их в близости от Алеутских островов на том море немало, но, не быв на них сам, на карту свою их не ставил, из чего и оказывается бесумненно то, что капитан командор Беринг и капитан Чириков при возвращении своих от Америки к Камчатке вояжах не видали из сих Шиловым на карту положенных островов ни одного, но проходили мимо и видели те, как им сие Шиловым примечены были в южной стороне, потому что порожнего места на карте между положенными на карту Шилова островами, их Берингова и Чирикова плаваниями и виденными им частями земель пространства довольно, однако все сие решится может по возвращении капитана Крепицина, которого опись, журналы и карты подадут способ положить оные места в подлежащих пунктах.

2-е. Все те острова, при которых купец Шилов промысл имел, даже до Умнака, находится безлесны и гористы, называются Алеутскими, и жители на них имеют язык и обычай один, с малою на некоторых островах разностию, питаются мясом зверей морских и рыбою, а больше кореньями, кутагорником и сарапою, из которых по показании ему земляных яблок потетеса и картофеля, признал он, Шилов, ту сарапу, состоящую в двух рядах, за самые потешес и картофель, и объявил, что тем хлебом все русские промышленники, пребывая на тех островах у промыслов, в недостатке там хлеба, питаются так, как и американцы, варя оные коренья

Пятиглавый храм — главное сооружение Михайло-Архангельского монастыря.

Михайло-Архангельский монастырь. Вид с главного входа.

в воде, и растерти их, примешивают к ним жиру зверей морских, едят как кому до сытости, не чувствуя от того болезней и иных припадков нимало, пьют воду, а крепких питей никаких не имеют; на всех сих островах растет сладкая трава, так как в Камчатке (ис которой делает там вино), полутче и сочнее той камчатской, до табаку охотники, охоты у них на зверей береговых нет, а птиц разных и рыб довольно, в т. ч. известных здесь палтусина, треска и сельди; промышляют на тех островах одних только бобров.

3-е. А остров Умнак, на котором казак Пономарев с компаниею три зимы зимовал, и другие острова далее его к востоку даже до великого лесного острова, Аляски, так же гористы, безлесны и многолюдны, как и Алеутские; жители на них язык, обычаи и пропитание с Алеутскими имеют одинаковое; а промысел на них доволнее Алеутских островов, потому что сверх бобров достают там промышленники лисиц черных, красных и сиводушек множество; хотя все эти острова, как выше объявлено, безлесны, однако ж жители на свои потребности без оскудения наносным лесом довольствуются, который приносится более от с севера, с каких же точно земель, оное ему неизвестно, кроме нижеписанного Аляски; и оной наносной лес по умеренности тамошнего климата не употребляется для согревания их жилищ, но соблюдают оной на варение пищи и строение юрт, так же и байдарок, т. е. промышленных их лодок; между прочим, в рассуждении находящихся там животных примечания достойно, что при одном только Беринговом острове водятся, так называемые, морские коровы, которые для человеческого пропитания лучше всех прочих зверей, и самое близкое сходство мясо и говядиной имеет.

4-е. Остров Аляска, Пономаревой карте, Алдишан названной так же горист, как и прочие, но величеством своим всех прочих алеутам известных на Тихом океане островов превосходит, и многолюднее их, потому что имеет на себе много рек, озер, заливов и лесу лиственничного, звери около его ловятся, бобры и на нем лисица красная, черная и сиводушки, бобры черные, медведи черные и олени: величество его простирается в долготу от его востока на северо-запад до 1900 верст, как о том умнацкие алеуты уверяют заподлинно.

5-е. Все те острова Алеутские, считая с первых от Камчатки, до острова Амля, купец Василий Шилов видел сам, чиня на многих из них промысел бобровый, а прочие, проезжая мимо в близости, ставил же на карту по числению своего пути, как выше показано, хотя в румбах от места до места не совершенно аккуратных, на разстояние между ними измеренное лагом с надлежащим прилежанием. А далее острова Амля до островов Умнака и Аляска, хотя сам он, Шилов, не ходил и не видел, но собрал

об них известие от алеутов двух человек, уроженцев островов Умнака и Шельмога, которые были вывезены в Камчатку промышленниками купца Бечевина в 1763 году и живучи на Камчатке близ трех лет, приняли христианскую веру и научились русскому языку так довольно, что всякое известие о состоянии жития их народов и положения окрестных около их островов получить свободно от них можно. Сии же двое уроженцы острова Умнака и Шельмоги до возвратного их походу с Камчатки на промышленничьих его, Шилова, судах и о содержании в 1766 году в их количество о всех вышеобъявленных островов далее острова Умнака и Шилову известие дали.

6-е. В переездах нынешних купца Шилова в островах Алеутских с острова на остров нашел он положение тех островов на румбах генеральное почти тож, какое у казака Пономарева на карте назначено, и на разстояниях между ими логот его, Широга, мерянных, и под именами кроме острова Умнака и нескольких других и иными, нежели какие им от казака Пономарева подписаны, чему притчина есть следующая. Когда Пономарев плыл от Берингова острова к Умнаку морем прямо, тогда не видал из Алеутских островов ни одного, а собрал оных имена от умнацких жителей, когда ни он их, ни они его языка не знали; при возвращенном же его, Пономарева, к Камчатке пути, хотя некоторые из тех островов и видел, однако же кажется точных имен положить без ошибки ему не можно, для того, что все его, Пономарева, плавание было без исчисления плаваных разстояний, а Шилов был на них сам после многих прежде его бывших на тех островах русских промышленников и находил на них довольно уже алеутов, язык русской знавших, от которых известись, точнее имена оным и подписал, но большей части с Пономаревым несходные.

7-е. Произведение их походов и промыслов есть следующего состояния: походы свои они начали на ближайшие от Камчатки Алеутские острова, хотя на палубных, однако гораздо ненадежных судах, по самому их наименованию «шитики», кое им дано по причине, что вместо железных укреплений шиты они прутиками; по распространению ж от времени до времени плаванья и промыслов строения их судов дошло ныне до формы, сходной с корабельными и палубными ботами, с оснасткой и канатами из пеньки вместо того, что прежде оные были деланы их крапивы, тика им становится в Большерецке до 20-ти рублей пуд, а пряденая для промыслов бобровых — до 25 рублей, железо от 20 до 25 рублей пуд, такой необыкновенной дороговизны приписать можно по большей части трудной перевоске в пути от Якуцка до Охотска, которые обстоят между собою в 1000 верстах, и на сем пространстве нет ни малейшего жила, которое б, не помня о помощи,

но хотя бы пристанищем или прикрытием путешествующим служить могло. Сие почитает Коллегия весьма за достойное уважение, чтоб буде возможно принять меры, если выгоды тамошних мест дозволят, сделать, сколько можно поселений. Нынешнее их суда долготою состоят до 15-ти футов, а более величиной употреблять почитают за неудобное, для того, чтоб во время их пребывания на островах возможно было вытаскивать оные для безопасности на берег: однако ж объявил он при том, что при некоторых островах есть заливы и реки, в которые суда довольной величины входят и в прикрытии стоять могут. Что ж до большого острова Аляски касается, то по точному уверению Алеутских островов жителей во всем оной, как выше упомянуто, изобилует и потому, всем выгодам к житию и содержанию человеческому равно и к приставанию больших судов и безопасному их тамо пребыванию быть упоает, что самым делом доказывает бытие иркутского купца Бечвина, судно коего долготою было 62 фута, и во время зимования стояло в пространной и закрытой заливе.

Известясь же, что до мореплавания принадлежать может не оставила Коллегия о свойстве жителей, сколько он изъяснить мог, поведается, а именно:

1. Никакого богослужения у них, ниже каких-либо законных обряд, как-то: брачных, погребительных и праздничных собраний во все его пребывание не примечено, кроме, что они на согревающее их солнце и светящуюся луну всегда с приятностью смотрят. Они не имели же никакого понятия о других народах, кроме своих соседей, думая, что они только одни на свете.

2. Начальства ни по выбору ни другого такого роду, нет, а живут они семействами, в которых начальствует старшей, имея еще от нескольких родой совокупия признанного старейшину, которому они некоторое самое малое поколение показывают. Однако ж не видел он, чтобы какое-либо наказание у них производимо было, к чему почти и никаких причин нет, не имея ничего (собственного), а все довольствуются обще произведенийми естества, как-то: промысляя зверей и рыбу, вырывая корни и собирая ягоду морошку и так называемую сикшу, которой довольно растет и в Камчатке, а похожа на голубицу.

3. Жилища их состоят из юртов, похожие на лопарские и камчадалские, кроме что по много семейству большего пространства.

4. Множество у них в употреблении, и все почти многоплодны, ростом велики, цветом смуглы, здоровы и крепки. Они достигают старости до ста лет и более, не ослабевая при том совершенно в крепости. Нравы примечены изрядные и сердца добрые, притом довольно остроумны, в чем весьма превосходят камчадалов. Одеж-

ду носят из птичьих кож с перьями и из звериных кишок, пазируемые камлени, кои употребляют в защищении от дождя.

5. Оружие к защищению своему и к нападению, кроме стрел, никакого не имеют, однако же без луков, а бросают, оные из дощечки: надетой на указательный палец, расстоянием сотен на двадцать, коих не так сильны, что палкою оные всегда отбить от себя можно; на острове Аляске имеют луки, деланные из китовых усов, перевитые звериными жилами.

6. Не видали они никогда, чтобы одного острова жители между собою воевали, а примечены битвы по причине угодий в промыслах одного острова против другого общими силами, ими для отнятия жен, но нападения свои делают от большей части одни на других печаянно и врасплох, переезжая на своих байдарках на неприятельский остров во время их сна.

7. В гости одни к другому ходят и зовут и ходят из юрта в юрт, подчиняют, притом забавляются пением и пляскою, кою производят только одни женщины, а мужчины сидят, и тут же поют, прибывая в буби, которые состоят из натянутой на обруч звериной без шерсти кожи, в протчем никаких мусикийских орудий не имеют. -

Семен Мордвинов, Алексей Нагаев, Федор Селиванов, Иван Селиванов, Иван Кутузов.

ЦГДА, портфели Миллера, № 534, IV, № 17 Копия.

Стр. 14. «Л. С. Берг отмечает, что «первым, открывшим пролив между Азией и Америкой, был не Дежнев и не Беринг, а Федоров, который не только видел острова Гвоздева и противоположные берега Азии и Америки, но и первый положил их на карту».

Стр. 33. Личный архив Г. И. Шелихова через его дочь, бывшую замужем за М. М. Булдаковым., оказался в распоряжении последнего и в советские годы найден Л. И. Андреевским в 1934 году в Вологде, в сарае огороdnика Иванова.

С. Б. Окунь. «Российско-американская компания». Под. ред. академика В. Д. Грекова. Гос. Соц.-эк. изд-во. Ленинград. 1939 г.

ИСТОРИЯ Российско-американской компании — это один из очень заметных моментов в процессе проникновения России к берегам Тихого океана.

Подобно тому, как английское правительство 200 лет вело войну за обладание Индией, прикрываясь именем ост-индской компании, так и царское правительство почти 100 лет интенсивно боролось за берега Тихого океана, прикрываясь именем Российско-американской компании... И не случайно, что три аналогичных монопольных объединения были ликвидированы почти одновременно, в 60-х годах прошлого столетия, т. к. в это время они не стали нужными.

История Российско-американской компании — это в то же время эпопея великих географических открытий, совершенных русскими мореплавателями. Беринг, Чириков, Шелихов, Крузенштерн и многие другие русские мореплаватели проложили новые пути, открыли и изучили новые, до сего времени никем не посещавшиеся земли и воды.

После ликвидации Российско-американской компании ее архив должен быть передан в Министерство финансов, но эта передача не состоялась... Согласно конвенции 1867 года о продаже русских поселений, они подлежали передаче США. Личные архивы оказались распыленными и в значительной части утрачены. Часть архива, наименее, на наш взгляд, ценная, — основателя компании Шелихова и первого ее директора Булдакова — перевезена была из Вологды, где была обнаружена, в государственный архив феодально-крепостной эпохи (Москва).

Исследовательская работа Г. Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-американской компании» (1861—1862 гг.). — С XVI века, с того времени, как русские казаки в поисках наживы появились у северных берегов Тихого океана, ведет свое начало ознакомление с этим почти совершенно неизвестным краем.

...В 1745 году на судне, построенном группой купцов, отправился к Алеутским островам участвовавший во второй экспедиции Беринга тобольский крестьянин Михаил Неводчиков. Ему не повезло, судно его на обратном пути разбилось, и он вернулся на Камчатку, потеряв 32 человека, в июле 1746 года.

Булдаков М. М., зять Григория Шелихова. Шелихов в 1787 году представил губернатору Иркутска проект создания мощной компании по использованию богатств в русской Америке. Наследники Шелихова добились царского указа о назначении «первенствующем директором» Булдакова. В составе был Иван Шелихов, Мыльников, Старцев.

19 октября 1800 года вопрос о переводе правления Российско-американской компании в Санкт-Петербург из Иркутска был решен положительно (Мыльников с его сторонниками вышел из директората).

Перед Российско-американской компанией царское правительство поставило задачи большого политического значения (реализация грандиозного плана экспансии, в результате которого северная часть Тихого океана должна была превратиться во «внутренние» воды Российской империи).

План этот предполагал дальнейшее закрепление России на западном побережье Северной Америки, включая Калифорнию, на Гавайских островах, в южной части Сахалина и в устье Амура.

Новоархангельск на о. Ситхе (о. Баранова) (57° 15' северной широты и 135° 18' западной долготы) был самой крайней оседлостью на северо-западном берегу Америки вплоть до 1812 года, когда компании удалось укрепиться в Калифорнии.

К началу 20-х годов, т. е. к моменту окончания срока первых привилегий Российско-американской компании, на островах и американо-американской материке имелось 15 «оседлостей»: Командорский остров, о. Атка, о. Уналашка, на Прибаловых островах, на о. Кадьяк, о. Баранова, 15 оседлость в Калифорнии в 1812 году селение «Росс».

Основным предметом промысла всех поселений компании была пушнина. Самыми ценными были шкурки бобра от 100 до 300 рублей одна, 1000 рублей, компанейские бобры были лучшими на международном пушном рынке. Морские коты, лисицы черно-

бурые, голубые песцы, моржовая кость, китовый ус и бобровая струя. С 1797 по 1818 г. компанией было добыто 8271 бобр и 1493626 котов. За это время по всем видам промыслов компанией получено 16376695 рублей, т. е. в среднем 818835 рублей в год. Компания, минуя русские таможи, продала за границу товара на 3647002 рубля, т. е. на 20% всей добытой пушнины. В 1802 году испорчено 800 тыс. штук котиковых шкур. На о. Уналашка сожжено 700 тыс. штук шкур.

Основной капитал соединенной американской компании до получения привилегий и переименования ее в Российско-американскую компанию предполагался равным 724 тыс. рублей, разделенным на 724 акции, в продажу они не поступали, а полностью распределялись между компаньонами. Согласно утвержденным для Российско-Американской компании правилам, к этим 724 акциям прибавлялись еще 1000, достоинством каждая в 1000 рублей, которые уже поступали в общую продажу и могли приобретаться всеми российскими подданными... 17 августа 1801 года правительством был утвержден выпуск 7350 акций по 500 рублей. Александр I лично купил 20 акций.

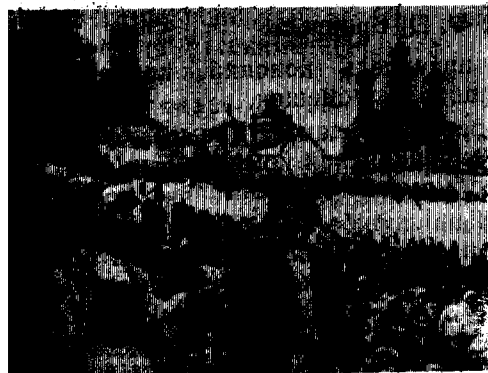
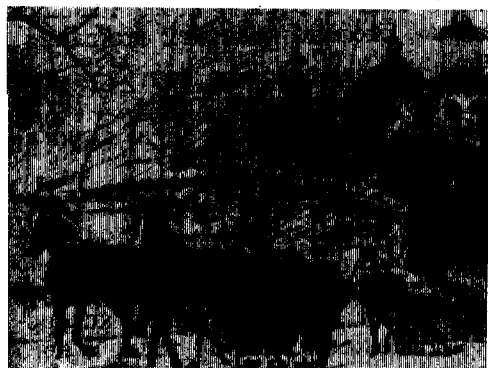
Акционерный капитал компании составлял к 1818 году 4429426 рублей 35 копеек. С 1808 по 1820 годы на снабжение компании и их содержание компания потратила 2317318 рублей, в то время как содержание главного правления в Петербурге за это же время обошлось 4696364 рубля... В период 1822—1826 гг. компания прекратила выплату дивидендов.

«Общее собрание акционеров 18 марта 1825 года было весьма шумное и не совсем разумное», писал правитель дел компании — декабрист К. Р. Рылеев В. И. Штейнгию (декабристу). Директор В. Крамер своим злоупотреблением добился того, что баланс за 1822—1823 гг. было весьма опасно представлять на рассмотрение акционеров.

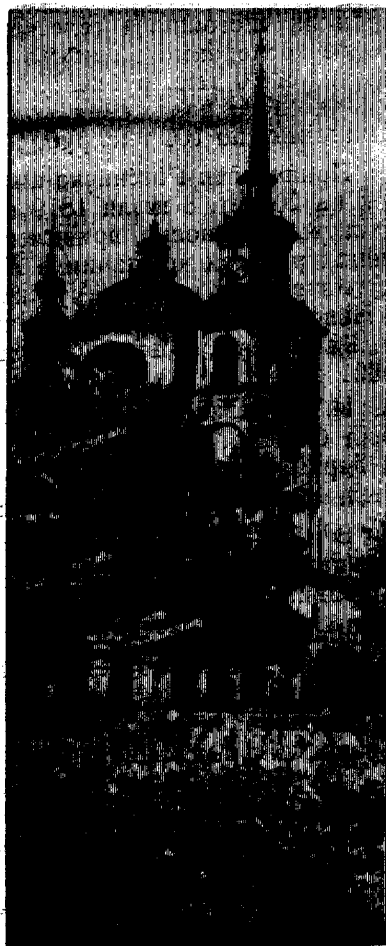
Для ревизования дел компании была создана комиссия, в состав которой вошли директор канцелярии Минфина А. Я. Дружинин и капитан В. М. Головин. На чрезвычайном собрании, где был заслушан доклад комиссии, было пущено в ход все, чтобы отвести удар от директоров и сохранить «престиж» компании. Директоров все же удалось отстоять, материальной ответственности они не понесли, в отставку вышел только Крамер, он был представлен как единственный виновник всех злоключений, постигших компанию... Акционер Лобанов (299 акций) в своих материалах отмечал, что значительная часть российской компании падала на содержание и награды директорам. Каждый из директоров получал ежегодно 15 тыс. рублей жалования, кроме того, Булдакову, который, по словам декабриста Штейнгеля, к этому

**Церковь Спаса-Преображения
(XVII век).**

**фрагменты городского праздника
«воды русской зимы».**

**Вид на Успенский собор
(XVII век). Успенский храм
являлся центром бывшего Со-
борного дворца, включавшего
в себя несколько храмов, кото-
рые вместе составляли один
из самых крупных архитектур-
ных ансамблей города.**

времени «истощился телесными силами и умственными, и даже более последними», помимо жалования выплачивалась ежегодная пенсия в 10 тыс. рублей... Как раз в период катастрофического финансового положения компании каждому из директоров было выплачено по 100 тыс. рублей наградных.

Привилегии Российско-американской компании были утверждены на 20 лет. 8 июля 1819 года они закончились. Пересмотр и утверждение новых привилегий должны разрешить вопрос о границах русской компании в Америке. Павловские привилегии предусматривали границу русских владений на 55° северной широты. ...Новой границей был 51° северной широты, то есть Северный мыс о. Ванкувера. Новые привилегии были утверждены 14 сентября 1821 года.

И. П. Резанов — обер-прокурор первого департамента Сената, был близким родственником директора компании М. Булдакова и держателем значительного числа акций. В силу этого Резанов был не столько «оком государевым», сколько ходатаем компании.

В 1804 году временный комитет учрежден для контроля дел компании, в него были избраны морской министр адмирал Н. С. Мордвинов, товарищ министра внутренних дел граф П. А. Строганов и тайный советник И. А. Вейдемейер (из МИДа).

Через несколько лет временный комитет, под названием особого совета Российско-американской компании, стал постоянным органом правительственного контроля. А. Дружинин, директор канцелярии Минфина, а затем управляющий департамента мануфактур и внутренней торговли, то есть с департаментами, которому компания была подчинена, был членом совета 34 года. В него входили в разное время Молчанов П. С., сенатор, сенатор Политковский В. Г., граф Мордвинов Н. С., член Госсовета; адмирал Г. А. Сарычев, В. М. Головин, Ф. П. Врангель.

В 1818 году А. А. Баранов, правитель колоний, коллежский советник из «Каргопольских купцов» был смещен.

В 1817 году директора компании Булдаков, Крамер, Северин. Вторым директором Российско-американской компании стал Н. И. Кусов в 1824 году, он был петербургским головой.

С 1824 года Рылеев состоял на службе в Российско-американской компании в качестве правителя ее канцелярии. Он вошел в состав ее акционеров с помощью Мордвинова. Рылеев вел свое секретарское дело аккуратно, так что в виде награды ему была поднесена очень ценная енотовая шуба... взяв он эту должность, вероятно, потому, что после смерти матери денежные дела его еще больше пошатнулись, а служба в компании была довольно прибыльна.

Компания уплатила Булдакову 3500 рублей, которые был должен ему Рылеев. При помощи Мордвинова сблизился с компанией и Д. И. Завалишин, по возвращении из Калифорнии в Петербург в 1824 году он обратился к Мордвинову с рядом проектов об улучшении деятельности компании.

Дом на Мойке, № 72 вблизи Синего моста занимала Российско-американская компания, стал с начала 1824 года своеобразным клубом заговорщиков.

В этом большом доме с двуглавым орлом на фасаде, купленном компанией у наследников А. Воронцова, помещался штаб декабрьского восстания. Здесь жили некоторые руководители Северного общества.

Представление о Российско-американской компании как о рассаднике революционной заразы наиболее ярко отразилось в письмах баснописца и журналиста А. Е. Измайлова. Сообщая сыну об освобождении из-под ареста столоначальника компании Ореста Сомова, замешанного в декабрьском восстании, он пишет: «Государь спросил Сомова: «Где Вы служите?»—«В РАК». — «То-то хороша собралась у Вас там компания».

8(20) июля 1812 года в Великих Луках представители России и Испании торжественно подписали договор, по которому между Александром и Фердинандом должны были установиться не только дружба, но также «искреннее согласие и союз». А уже 30 августа (ст. сти 16) того же года на испанской территории в Калифорнии состоялось столь же торжественное открытие русской колонии, поименованной РОСС.

В 1817 году директор РАК (Гагенмейстер) составил акт, подписанный индейскими старшинами Чу-гу-ан, Абат-тин, Гем-ле-ле и другими, подтверждавшими, что они очень довольны занятием всего места русскими (РОСС)... «Капитан-лейтенант Гагенмейстер, — гласит акт, — приносил индейским старшинам от имени РАК благодарность за уступки компании земли на крепость, строения и заведения, принадлежащих Чу-гу-ану».

В записке, представленной в МИД, Крузенштерн утверждает, что Испания «при нынешнем положении» уступит России как территорию РОСС, так и порт Сан-Франциско. «Оставление порта РОСС во владении РАК° не подлежит значительным препятствиям...».

Завалишин в 1824 году прибыл на фрегате «Крейсер» в колонии РОСС. Русские решили окружить РОСС цепью испанских поселений. В 1819 году было основано ранчо Сан-Пабло, в 1822 году — Солоно, Сонами и другие. Завалишин в письме Николаю I 24 января 1826 года писал: «Калифорния... ее приобретения...

позволили бы иметь там наблюдательный флот, который доставил России владычество над Тихим океаном и китайскою торговлею, упрочили бы владение другими колониями, ограничили бы влияние Соединенных Штатов и Англии».

Барон Врангель, посетивший колонию РОСС, писал, что... взрослое население РОССа насчитывало 199 человек, из них 128 мужчин, русских — 41, алеут — 42, остальные индейцы...

Начиная с 50-х годов, РАК° доставляет ежегодно морским путем в среднем 8000 пудов чая (30% общего количества импортируемого в Россию китайского чая).

Невозможность сохранить свои колонии в случае войны, невозможность оберегать их вследствие широко распространившихся слухов о наличии там золота и в период официального мира, неизбежные в связи с этим конфликты и, наконец, перенесение русских интересов на азиатский материк — таковы были причины, толкавшие царское правительство на продажу Аляски. Были и причины, форсировавшие продажу, заключавшиеся в деятельности РАК° (она не осваивала полностью ей принадлежавшую территорию).

В 1866 году общая сумма доходов РАК° 706188 рублей, из которых 200 тыс. рублей — дотация казны. Аппарат управления в Санкт-Петербурге пожирал более 10% валовой суммы доходов (71660 рублей); на выдачу дивидендов акционерам оставалось 10828 рублей.

РАК° могла продолжать свою деятельность при ежегодной дотации 200 т. р.

1 января 1862 года оканчивался срок привилегий РАК°.

Стремясь нанести удар английскому могуществу в Северной Америке и тем самым столкнуть США с британской империей, Россия решила пойти на продажу Аляски, а стремление к господству на американском материке заставило США ее приобрести.

3(15) мая конвенция (оформление договора о продаже) была ратифицирована царем, 8(20) июля 1867 года состоялся в Вашингтоне обмен ратификацией, а 7(19) октября в Ситху состоялся спуск русского флага. США были переданы все здания РАК°. За время работы компания снарядила 13 кругосветных путешествий (с 1804 года (Крузенштерн) до 1840 года (Зарембо)). Их значение в истории географических открытий очень велико. Они обогатили картографию, океанографию и прочие смежные области знания.

М. Белов (Ленинград) доктор исторических наук. «Наука и жизнь» № 1 (январь 1967 г., стр. 69—73). «О продаже Аляски».

В НАШЕЙ советской исторической литературе распространено мнение, что главную роль в продаже Аляски сыграли внешние политические мотивы — происки тайной царской дипломатии, пытавшейся тем самым (царское правительство продало Русскую Америку (территория Аляски и Алеутских островов) — 1/5 часть территории США, 1,5 млн. кв. км) за 7 млн. 200 тыс. золотых долларов (по 2 цента за акр), столкнуть Англию и США и, ослабив англичан, добиться возвращения потерянных в Крымской войне (1853—1856 гг.) русских позиций на Черном море. Но это ли главное?

1 мая 1867 года в Зимнем дворце Александр II скрепил своей подписью главные документы сделки, в его кабинете присутствовал лишь князь А. М. Горчаков МИД России.

Общественное мнение осудило продажу Русской Америки.

Аляска открыта русскими вслед за Сибирью и Дальним Востоком — в 40-е годы XVIII века, хотя первые походы в ее сторону начались столетием раньше. В 1648 году казак Семен Дежнев первым прошел проливом, разделяющим Азиатский Американский материк, а в 1732 году к северо-восточному берегу Аляски подходила экспедиция Ивана Федорова и Михаила Воздева. Истинное же открытие Америки с Востока произошло в 1741 году, когда, следуя от Камчатки, Витус Беринг на пакетботе «Св. Петр» и Алексей Чириков на пакетботе «Св. Павел» достигли американского побережья. Первую высадку русские моряки произвели на острове Каяк.

Известие об Америке всколыхнуло торгово-промышленный люд Сибири. В 1745—1764 гг. американские земли посетили 42 русские экспедиции. С именами промышленников Саввы Пономарева, Петра Шишкина, Ивана Соловьева, Степана Глотова, Василия Шилова связано открытие и освоение Алеутской гряды и других островов северной части Тихого океана. От Иркутска до русских Аляскинских промыслов почти столько, сколько от него до Москвы.

В 1799 году, уже после смерти Григория Шелихова, царский двор учредил монопольную правительственную Российско-Американскую компанию для охраны русских владений на Аляске и расширения их.

Государственный канцлер Н. П. Румянцев в 1803 году выдвинул проект создания их ам. тер. русских поселений, развития там промышленности, торговли, постройки фабрик и заводов, работающих на местном сырье, создание городов. В 1806 году с аналогичным предложением о способах укрепления компании выступил ее фактический правитель Н. П. Резанов. Он справедливо упрекал правительство в том, что оно не следовало в этом отношении «прозорливым видам Петра Великого», однако все эти и подобные им предложения по тем или иным причинам не получили развития. В результате на огромной территории, по подсчетам исследователей, в 1817 году вдоль 5000 км полосы Аляски насчитывалось около 600 русских. В 1866 году все пришлое население, включая американцев, составляло 800 человек.

Приходится удивляться тому, что, располагая столь малыми людскими ресурсами, компания выполняла грандиозную работу по освоению и изучению Северо-Западной Америки. Компания выступала инициатором в ведении хлебопашества и огородничества, в создании здесь школ и библиотек. Компания поощряла научно-экспедиционную деятельность, всякого рода путешествия с научной целью (экспедиция Л. И. Загоскина на Юкон, В. Хромченко в Берингов пролив). Предпринималось изучение минеральных богатств, в частности, русским исследователям принадлежит заслуга обнаружения золотых россыпей. Известны попытки приступить к созданию металлургической промышленности. Компания провела картирование побережья северо-западной Америки и издала атласы карт (Атлас Тебелькова и др.). Период деятельности компании оставил глубокий след в истории далекой американской страны.

Однако все это не являлось решающим. Отсутствие массовой колонизации не могло не подорвать компанию и вообще русские позиции на Аляске, что в конце концов и привело к ее потере.

В 1803 году США купила у Франции за 15 млн. долларов Луизиану, территорию в 2,6 млн. кв. км, давшую 1/3 территории США (Наполеон).

У Испании США купили полуостров Флорида за 5 млн. долларов. В 1848 году от Мексики к США перешла большая часть территории.

«Аляска, — писал председатель комиссии по иностранным делам Н. Бенке, — является ключом к Тихому океану и с островами образует плацдарм для США на Тихом океане, который обеспечит триумф цивилизации». Это будет американская цивилизация, американская судьба для 600 млн. человек.

«Роман-газета». «Сибирь без романтики» («Век живи — Век люби») В. Распутин.

ВЫСТУПИЛ походом 1580 г. (81, 82) на зауральскую сторону Ермак. (Василий Тимофеевич Аленин?). «Родом неизвестный, думой знаменитый» (Н. М. Карамзин). Первый основательный шаг за Уралом сделал Ермак, другие пошли за ним. Эти и другие совершили подвиг не менее удивительный.

В 1639 году Иван Москвитин поставил на берегу Охотского моря зимовье и русские вышли к Тихому океану, в 1648 году Семен Дежнев проплыл проливом, который отделяет Америку от Азии. Уму непостижимо? Кто представляет себе хоть немного эти великие гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжелые грузы, зимую в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках, в незнакомых местах и среди враждебно настроенного кочевника, страдая от холода и голода, болезни, зверья и гнуса, теряя с каждым переходом товарищей и силы, пользуясь не картами, а слухами, грозившими оказаться выдумкой, нередко горстка людей, не ведая, что их ждет завтра и послезавтра, они шли все вперед и вперед, все дальше и дальше на Восток...

Стр. 68. У нас не принято ставить памятники отличившимся городам. А было бы справедливо где-нибудь на просторах Сибири, предположим, на той же Лене, где к середине XVII века собрались самые деятельные «землеследователи», высказать и подтвердить благодарную память сибиряков Великому Устюгу, городу теперь захиревшему, выпускающему гармоники. А в то время Великий Устюг — когда-то бросавший вызов самому Великому

Новгороду, еще гремел, и величие свое он подтвердил в именах Семена Дежнева, Ерофея Хабарова, Василия Пояркова, Владимира Атласова, Василия Бугра, Парфена Кодырева и многих, многих других, добывших себе по сибирским рекам, морям и волокам мужественную славу. Все они из Великого Устюга — это не только удивления достойно, но кажется невероятным: что за оказия? Как их там, в колыбели мореходов и открывателейставляли, чем укрепили дух и кость? Тут бы для гордости в веках хватило и одного Семена Дежнева, открывшего «Берингов» пролив. «Одиссеей» Хабарова почла за честь хвалиться любая столица, будь он из нее родом. Или Атласов, покоритель Камчатки!

А Поярков, приискавший огромные территории Северо-Восточной Сибири? И как знать, не из Устюга ли вышел легендарный Пенда, наперед всех пришедший на Лену из «златокопящей Мангазеи»? Не устюжанином ли был и Петр Бегетов, об одной из экспедиций которого И. Фишер в «Сибирской истории» писал: «Намерение свое он произвел с таким малым количеством людей, что почти невероятно показалось бы, как россияне могли на это отважиться».

Кстати, припомнить еще, что дважды в течение десятилетия (в 1630 и 1637 гг.) Великий Устюг вместе с соседями — Тотьмой и Сольвычегодском — снаряжал в Сибирь большие отряды девиц и «женки» русским служилым людям. Как не считать после того сибирякам этот город своим родным, как не поклониться ему издалека кровным поклоном? Да и всей русско-северной сторонущке, где Новгород, Вологда, Архангельск и Вятка, следует поклониться: оттуда вслед за казаками пришли пашенные и мастеровые люди, оттуда началось первоначальное заселение Сибири.

УСТЮЖСКИЙ КУПЕЦ ВЛАС БАБИКОВ

В 1792—1793 гг. состоялась русская экспедиция под начальством Адама Лаксмана в Японию. Ее основная цель — установление торговых сношений России с Японией, в чем экспедицией были достигнуты определенные успехи. Фактически, это было первое русское посольство в Японию.¹ Экспедиция имела полуофициальный характер. Главным инициатором ее являлась известная в Сибири и заинтересованная в данном предприятии торговая компания Шелехова-Голикова. На снаряжение экспедиции из казны и из средств компании было истрачено более 23 тысяч рублей.² 13 сентября 1792 г. судно «Екатерина» покинуло охотский рейд, а 9 октября русские прибыли к берегам Японии.

В составе экспедиции было 42 человека (переводчик, геодезисты, матросы, солдаты и др.). В период подготовки Екатерина II распорядилась привлечь к участию в экспедиции лучших иркутских купцов. По-видимому, таковыми являлись представитель компании Шелехова-Голикова Шебалин и комиссионер великоустюгский купец Влас Бабилов,³ находившиеся на борту «Екатерины».

Японцы не мешали Лаксману производить научные наблюдения и сбор различных коллекций, но, ссылаясь на японский закон, не разрешали торговать. В то же время японские власти не запрещали обмен «подарками», что устраивало русских купцов. В ходе переговоров с японским правительством Лаксман добился разрешения на посещение Японии одним русским судном. 8 сентября 1793 г. «Екатерина» возвратилась в Охотск. Все члены экспедиции в 1795 г. получили вознаграждение. Влас Бабилов был удостоен золотой медали.⁴

Чуть позже предпринималась попытка организовать экспедицию в Японию из торгующих в Иркутске и на северо-востоке России купцов Степана Киселева, Алексея Полевого, Власа Бабилова и других.⁵ Но, по стечению обстоятельств, экспедиция не состоялась. В. Н. Бабилов (1765—ок. 1817) возвратился в Великий Устюг. В 1796 г. он значится в списке купцов третьей гильдии.⁶ Родом Бабиловы из крестьян деревни Нестеферовской (Яиково) Великоустюгского уезда. Отец Власа, Никифор Терентьевич, в 1780 г. записался в устюжское купечество.⁷ В. Н. Бабилов

в 1816 г. был избран городским головой Великого Устюга, но, не успев отслужить свой срок, скончался. Его дочь от первого брака Павла Власовна (1808 г. р.) позднее вышла замуж за известного в торговом мире никольского первой гильдии купца И. Я. Грибанова.

Примечания:

1. Э. Я. Файнберг. Экспедиция Лаксмана в Японию (1792—1793 гг.) // Труды Московского института востоковедения. М., 1947. Сб. 5. С. 233.
2. Там же, с. 213.
3. Там же.
4. Там же, с. 225.
5. Там же, с. 226.
6. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 12, лл. 6 об.—13 об.
7. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 1, д. 77, л. 469 об.

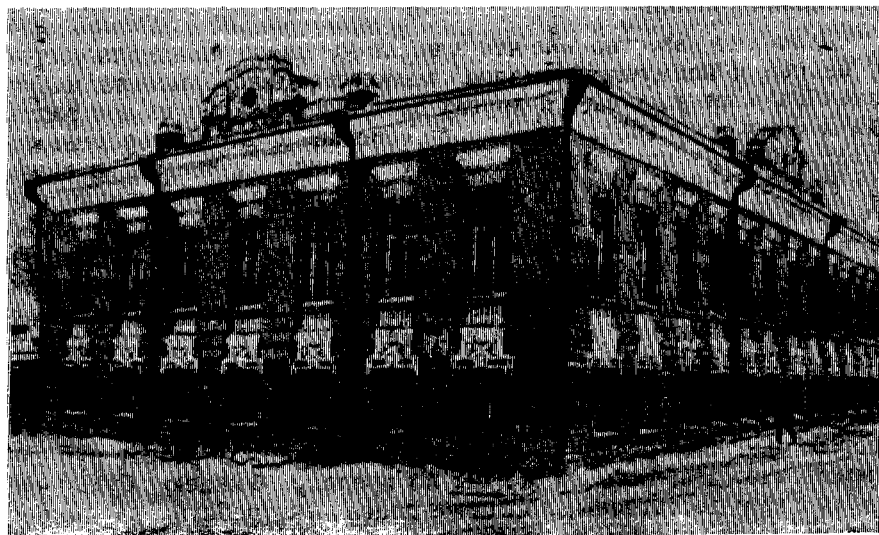
СВИДЕТЕЛЬСТВО ДОБРОТЫ И МИЛОСЕРДИЯ

6 СЕНТЯБРЯ 1800 года в городской думе было зачитано письмо устюжского купца И. М. Брусова. В письме Иван Миронович писал:

«Довольно известно мне что в числе здешняго мещанина состоит бедных и неимущих немалое количество, которые не могут оплачивать ни податей, ни других повинностей. То я из сострадания к ближнему почал за долг себе из благоприобретенного мною капитала на помощь таковым бедным взнести во оную думу денег триста рублей с таким со стороны моей желанием, чтоб сия настоящая сумма считалась за наличную. А дабы она не могла лежать тунно то оную отдавать надежным людям из процентов. И те получаемые проценты употреблять думе по своему благоразсмотрению на платеж за самых бедных собираемых с них на содержание здешней полиции денег. А как я и сам зженою моею зближаюсь к старости, то на таковой случай объясняюсь, что ежели до смерти моей я по воли божией буду беден, или по смерти моей останетца моя жена такова, то нас самих благоволила бы реченная дума из настоящих трехсот рублей суммы снабжать. Есть ли же мы по пределу божиею будем по жизни нашу достаточны, то оные денги употребить на помощь бедным. Наследникам моим во оные денги не вступатца что все отдаю благоразсмотрению реченной градской думы. И оные денги предства присем покорнейше прошу записать и куда следует в приход потом учинить резолюцию».¹

Купец Николай Васильевич Костров. Варвара Васильевна Кострова —
сестра Н. В. Кострова.

Дом Костровых.

Иван Миронович Брусов (1735—1803) родом был из крестьян Утмановской волости.² В 1778 г. он записался в устюжское купечество по третьей гильдии. Его супруга Параскева Ивановна (1745—1804) являлась дочерью экономического крестьянина Ивана Островского из деревни Есиплево Синегодской волости. Жили Брусовы во второй части города в деревянном доме на Егорьевской улице.³

Примечания:

1. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 17, л. 1.
2. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 1, д. 77, л. 413.
3. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 10, л. 5 об.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АЛЕНЕВ

В ПЕРВОЙ половине XIX в. одной из самых колоритных фигур среди устюжского купечества являлся Д. В. Аленив (1779—1859). Он был сыном протоиерея Успенского собора Василия Афанасьевича Аленива, известного устюжского иконописца, работы которого украшали многие храмы Великого Устюга. Дмитрий пошел по стопам отца и получил духовное звание, но, повредив в молодости ногу, был вынужден избрать другой род деятельности. Выбор пал на торговлю. Он уехал в далекую Сибирь и там постигал азы коммерции. Скопив небольшой капитал, вернулся на родину и занялся оптовой торговлей льном и хлебом. Скупая в округе у крестьян льносемя, льноволокно, рожь, ячмень и овес, весной отправлял на барках с Никольской и Устюжской пристаней в Архангельск. В делах был честен и аккуратен, поэтому в торговой среде пользовался неизменным доверием.¹

Всегда сочувственно относился к интересам родного города. В 1828—1838 гг. сограждане трижды избирали его в городские головы.² Будучи хозяином города, Дмитрий Васильевич заботился о его выгодах, украшал храмы, благодетельствовал бедным. В бытность его городским головой, город постигли два несчастья. В 1831 г. Великий Устюг посетила холера, от которой умерло сто человек.³ Переполоху в городе было тогда много. Градская дума, по предписанию губернатора, получила подробное предостережительное наставление и рецепт штаб-лекаря Смирнова для распространения их среди горожан. Для профилактики всем жителям рекомендовалось принимать порошок из пережженного в уголь черного хлеба и квасцов в вине или мятной воде. При городской думе была образована комиссия «для принятия мер

об очистке домов, где были больные, а также окуливании и проветривании вещей и товаров, следующих по рекам на судах. Бумаги, полученные почтой, прокалывались во множестве и окуривались».⁴ Через год во второй части города случился близ Песков большой пожар, в котором сгорело 46 домов.⁵ Городской голова принимал всевозможные меры для оказания помощи пострадавшим. Не случайно, когда Д. В. Алфеев скончался, проводить его в последний путь пришли сотни горожан.

Семья Алеевых жила в красивом особняке, выстроенном в начале XIX в. в стиле ампира рядом с Успенским собором. До сих пор это здание с круглой ротондой, ажурным круговым балконом, с объемными лепными масками на фасаде является украшением города, его главной улицы.

Кроме каменного дома Д. В. Алеев владел еще двумя деревянными домами, расположенными также в первой части города. Купцу второй гильдии Д. В. Алееву принадлежало несколько деревень, приобретенных им в разные годы по купчим крепостям. В 1854 г. деревни Спирино, Шишиморово, Лукинскую, Мокиево, Мосеево Плесо, Шильниково и Олбово он завещал своей супруге.⁶ При деревне Олешково у него была мукомольная мельница.⁷

Женат Алеев Д. В. был на дочери устюжского купца Александра Дмитриевича Ямщикова Марии. От тестя, по его духовному завещанию, Дмитрию Васильевичу досталась земля против города Никольска, где он выстроил дом, два складочных амбара и прочие деревянные службы.⁸

У Марии Александровны (1789—1866) и Дмитрия Васильевича было две дочери. Старшая, Александра Дмитриевна, в 1834 г. вышла замуж за вологодского дворянина, служащего Генерального штаба капитана Кирилла Николаевича Зубова. Через 13 лет Александра умерла, оставив троих дочерей. Из них младшая Елена после смерти матери была принята на воспитание в дом деда, а Мария и Вера на средства Дмитрия Васильевича получили образование в учебных заведениях.

Вторая дочь Алеевых Елизавета была выдана за архангельского купца и потомственного почетного гражданина Д. С. Попова. В приданое Елизавете отец дал 25 тысяч рублей серебром и завещал выстроенный им каменный дом.⁹ Именно в этом доме в 1870 г. кушал хлеб-соль великий князь Алексей Александрович, когда проездом посетил наш город.¹⁰ Дмитрий Степанович Попов, супруг Елизаветы, купец первой гильдии, был тогда председателем уездной земской управы и считал почетным долгом пригласить в свой дом высокого гостя.

Примечания:

1. Вологодские губернские ведомости, № 47, 1859. С. 394.
2. А. А. Титов. Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1903. С. 73.
3. А. А. Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1889. С. 132.
4. А. А. Титов. Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1903. С. 38—39.
5. Там же, с. 39.
6. Вологодские губернские ведомости, 1859.
7. ВУФ ГАВО, ф. 10, оп. 2, д. 365, л. 2.
8. Там же.
9. Там же.
10. ВУФ ГАВО, ф. 584, оп. 25, д. 4.

КОСТРОВЫ

В 1867 г. устюжским городским головой был избран купец Василий Иванович Костров.

Костровы — старинная устюжская фамилия. Родословная семьи, к которой принадлежал В. И. Костров, прослеживается с конца XVII в. Прапрадед его, Федор Андреевич Костров (1679—1753), «купецкой человек», жил в собственном доме, был многодетен.¹ Прадед — Никифор Федорович (1722 г. р.) — в конце XVIII в. значится в купцах третьей гильдии.² Он был женат на девице Авдотье, дочери пономаря Успенского собора Герасима Ковригина. В их семье росли четыре сына: Давыд, Иван большой, Семен и Иван меньшой. Жили Костровы в конце улицы Красной Слободы в построенном ими доме на наследственной земле. Дом состоял из пяти теплых покоев, горницы, двух чуланов. В усадьбе имелись также «хлебной амбар, хлев, погреб с напогребником, баня, кладезь, подворная и огородная земля.»³ В доме было много икон, причем половина из них — в серебряных с позолотой окладах. Образы Спасителя и Николая Чудотворца, писанные красками на малых досках, постоянно находились и в лавках купца.⁴ Никифор Федорович был грамотен, владел кожевенным заводом, расположенным под Ивановской горой, и двумя лавками в кожевенном ряду.⁵ В 1782 г. на его кожевенном заводе вырабатывалось 300 кож в год, юфтяных и дубленых.⁶ Заведение Н. Ф. Кострова не являлось самым крупным в Устюге. Были и такие, на которых вырабатывали до 1000 кож в год и более.⁷ Н. Ф. Костров занимался «купеческим торгом и чарошным ремеслом». Чарки (род башмаков с суконной опушкой), выделанные кожи сбывал в городе и на «ярмонках».⁸

Дед В. И. Кострова — Иван Никифорович (меньшой) (1758—1817 гг.), как и его братья, продолжал дело отца. Был

дважды женат. От первого брака имел троих детей. Александра Семеновна, вторая жена И. Н. Кострова, была моложе супруга на 18 лет. У них родилась дочь Мария.

Отцом В. И. Кострова являлся второй сын Ивана Никифоровича — Иван. Некоторое время он состоял в мещанском обществе, занимался торговлей, скончался в возрасте 55 лет в 1853 г.⁹

У Ивана Ивановича и Евдокии Андреевны Костровых были два сына и дочь.

Платон Иванович (1825—1896 гг.), второй гильдии купец, и его жена Анна Ивановна (1825—1908 гг.) детей не имели. Они жили в одноэтажном деревянном доме за городским садом.¹⁰ П. И. Костров производил закуп товаров для отправки в Архангельск. В городе у него имелись два амбара с мукой и овсом,¹¹ а в гостином дворе — лавка, где он торговал соленой рыбой.

Платон Иванович избирался гласным городской думы и более 15 лет являлся старостой церкви Вознесения. Немало своих средств употребил он на украшение храма, на сооружение полукаменной ограды и более обширной сторожки, на приобретение церковной утвари. В 1871 г. П. И. Костров пожертвовал на ремонт крыши и золочение крестов более 300 руб., в 1880 г. — 200 руб. на благоустройство храма. За усердие и многочисленные пожертвования в 1870 г. ему была высочайше пожалована серебряная медаль на Станиславской ленте.¹²

В В. Устюге более известен был второй сын Ивана Ивановича — Василий. Это был купец первой гильдии, человек непреклонной воли и неутомимой энергии. Очень скоро он становится одним из богатейших купцов города. В. И. Костров (1828—1887) содержал мастерские для обработки льна и щетины, вел активную торговлю через Санкт-Петербург и Архангельск с заграницей. На 1881 г. у него только щетинных мастерских насчитывалось восемь, в которых в год обрабатывалось сырья на 148000 рублей.¹³ Коммерческая контора по закупу щетины и льна, предназначенных к заграницному отпуску, находилась в собственном доме В. И. Кострова.¹⁴ Изделия костровских мастерских славилась качеством и добротностью. Обделанная щетина из мастерских В. И. Кострова экспонировалась в 1870 г. на Всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге¹⁵ и в 1882 г. на Московской промышленной художественной выставке.

Но не только торговля льном и щетиной приносила доходы купцу Кострову. Пристально наблюдал он за деятельностью возникших на Севере пароходных обществ и мечтал учредить свое. В 1874 г. В. И. Костров и котельнические первой гильдии купцы И. П. Кордаков и С. С. Зырин заключили между собой договор

по владению пароходством на Северной Двине, вложили по 30000 руб. и открыли «Товарищество Северо-Двинское пароходство, на вере».¹⁶ Спустя несколько лет Василий Иванович учредил «Северо-Двинское буксиро-товаро-пассажирское пароходство В. И. Кострова с сыновьями». Мечта Василия Ивановича исполнилась. Позднее владельцем костровских пароходов стал его старший сын Николай. Ему принадлежали суда «Петербург», «Юг», «Москва», «Гражданин», «Север», «Двина», «Крым», «Устюг». Конторы находились в Устюге, Вологде и Архангельске. В расписании пароходства указывалось, что суда «легкопассажирские со всеми удобствами и электрическим освещением».

Во время своего служения городским головой в 1867—1869 гг. В. И. Костров много занимался благоустройством города, все городские здания поддерживал в должном порядке, построил удобный цейхгауз во второй части города. 1867 г. был чрезвычайно скуден урожаем, поэтому хлеб продавался по высоким ценам (около 1 рубля и дороже пуд) не только в этом, но и в следующем, 1868 году.¹⁷ Население бедствовало. Перед городским управлением встала альтернатива: или пустить половину жителей города в нищенство, или устроить даровое питание голодающим. Выбрали последнее. В. И. Костров оказался в этом деле на высоте своего положения.¹⁸

Жертвовал Василий Иванович по велению души и сердца. В 1878 г. на имя вологодского губернатора С. Ф. Хоминского он написал: «...по усмотрению моему в нашем городе Великом Устюге учащиеся уездного училища, женской прогимназии и приготовительных классов ученики и ученицы есть дети самых бедных родителей, нуждающиеся, круглые сироты, в зимнее время не имеют теплой одежды, отправляясь на свои занятия, также многие из них просят подаяния на бумагу, книги и другие учебные принадлежности. При таком их сирот бедственном положении сожалея долгом себе счел за священную обязанность некоторых из них обеспечить и увековечить навсегда следующим пожертвованием: присем имею честь представить Вашему превосходительству серебром 4 тысячи руб., каковые покорнейше прошу Вас от имени моего внести в Великоустюжский Общественный Банк навечно без возврата мне и наследникам моим.

Две тысячи взнести на отдельный билет на имя Устюгской городской управы от имени моего, с правом управы получать проценты сто или 120 руб. годовых и выдавать по приговору мещанского общества самым бедным семействам, круглым сиротам мещанского сословия жителям города мужского и женского полу на одно лицо от 3 до 6 руб. в год на обзаведение одежды, на покупку книг, бумаги и прочих учебных принадлежностей...»¹⁹

Еще две тысячи рублей, по одной тысяче каждому, Василий Иванович просил внести на счет устюжской женской прогимназии и устюжского уездного училища, где в том же, 1878 г. были учреждены стипендии его имени.²⁰ Дом призрения в Устюге содержался на средства благотворительного общества, в том числе и на проценты с капитала Кострова в 11400 руб.

Благотворительностью отличались и дети В. И. Кострова. В 1891 г. Николай и Зосима Костровы были почетными членами попечительного совета Александровского ремесленного детского приюта. В 1892 г. 1 апреля братья пожертвовали 2 тыс. руб. для увеличения капитала Александровского ремесленного приюта «на содержание призреваемых бедных сирот, мальчиков мещанского сословия» 1 тыс. руб. в Совет устюжского благотворительного общества, «чтобы ежегодные проценты с оных тысячи рублей употреблялись бы на раздачу истинно бедным жителям г. Устюга мещанского сословия»; 2 тыс. руб. — детскому девичьему приюту или рукодельне на содержание бедных круглых сирот — девочек мещанского сословия.²¹

В 1900 г. Н. В. Костров (1860—1915) предоставил мужской гимназии 240 руб., предназначаемые в плату за восьмилетний курс учения, считая по 30 руб. в год, за одного из бедных учеников.²²

Варвара Васильевна (1863—1943) десять лет была попечительницей Великоустюгской женской гимназии (с 1893 до 1903 г.), затем ее сменила Елизавета Алексеевна, супруга Н. В. Кострова. Обе, как могли, помогали гимназии, особенно денежными средствами. Так, в 1909 г. Е. А. Кострова пожертвовала в гимназию 1350 руб.²³ Примеров благотворительной деятельности Костровых можно привести много.

Жили Костровы в двухэтажных каменных особняках в центре города на Успенской улице.²⁴

У В. И. Кострова было 6 детей, из них трое умерли в раннем возрасте. В живых остались Николай, Зосима и Варвара.

З. В. Костров (1861—1894) скоропостижно скончался в Казани, куда выезжал по своим коммерческим делам.²⁵ Он был женат на дочери сольвычегодского купца Хаминова Марии Алексеевне. Она, как и муж, рано умерла.

Варвара Васильевна шестнадцати лет вышла замуж за купеческого сына Григория Павловича Жилина.

С середины 90-х годов XIX в. все торговые и предпринимательские дела Костровых перешли в руки Н. В. Кострова. Его жена Елизавета Алексеевна являлась дочерью устюжского купца

А. И. Мишурина, содержателя ренсковых погребов и кондитерской. В 1911 г. Н. В. Костров продал все пароходы, сдал в аренду на 5 лет свой дом и переехал с семьей в Москву в дом на Арбате, в Николопесковском переулке. Причиной переезда являлись семейные обстоятельства. К этому времени в Москве у Н. В. Кострова учились в гимназии сын и дочь, жили они с бабушкой. Фактически семье приходилось жить на два дома, что было неудобно. Кроме того, Н. В. Костров был безнадежно болен, заниматься делами ему становилось все труднее.²⁶

Примечания:

1. Материалы для истории Устюга Великого XVII и XVIII вв. М., 1883. С. 247.
2. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 10, л. 26.
3. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 3, д. 106, л. 3.
4. Там же, лл. 3—5.
5. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 1, д. 122, л. 50.
6. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 3, д. 256, лл. 53, 56 об.
7. Там же.
8. Там же.
9. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 623, л. 12 об.
10. ВУФ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 560.
11. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 1002, л. 107.
12. Летопись Вознесенской церкви г. Великого Устюга. // Фонды ВУИАХМЗ, № 13114.
13. Ф. А. Арсеньев. Очерк кустарных промыслов по изделиям, собранным Вологодским губернским земством. Вологда, 1882. С. 23—24.
14. ВУФ ГАВО, ф. 2, оп. 1, д. 346, д. 5, д. 1.
15. ВУФ ГАВО, ф. 14, оп. 2, д. 14, л. 14.
16. ВУФ ГАВО, ф. 2, оп. 1, д. 100, лл. 93—97.
17. Летопись градской Георгиевской церкви. // ВУФ ГАВО, № 3531, л. 12.
18. Я. Долбышев. Полвека назад. // «Северо-Двинский край», № 71, 7 ноября 1917 г.
19. ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 2102, лл. 1—2.
20. Там же.
21. ВУФ ГАВО, ф. 2, оп. 1, д. 6661, лл. 40—42.
22. ВУФ ГАВО, ф. 234, оп. 1, д. 1.
23. ВУФ ГАВО, ф. 235, оп. 1, д. 16, л. 11 об.
24. Н. Кудрин. Запечатленная память. Адх-ск, 1986. С. 26—30.
25. В. Верещагин. На Северной Двине. Изд. 2-е. М., 1896. С. 44.
26. Воспоминания Н. Н. Костровой.

БРАТЬЯ ОХЛОПКОВЫ

В Великом Устюге были известны четыре брата Охлопковых: Василий (1826—1884), Яков (1831 г. р.), Михаил (1837—1902), Федор (1840—1914).¹ Родом они из крестьян Владимирской губернии Ковровского уезда.² В 1860-е гг. нередко приезжали в Устюг и торговали по свидетельству в гостином дворе или в других арендованных помещениях.³ В конце 1860-х — начале 1870-х гг. переселяются в Великий Устюг. Братья Василий, Федор и Михаил жили в центре города в 16-м квартале. Василию Ильичу принадлежали два полукаменных двухэтажных дома и деревянный двухэтажный флигель. После смерти хозяина все дома перешли по наследству его дочери Марии Васильевне. В одном доме внизу была кладовая, а в другом — магазин.⁴ У Михаила Ильича был деревянный двухэтажный дом. На втором этаже жила семья, на первом располагался магазин.⁵ Федор Ильич также жил в двухэтажном деревянном доме. На его дворе стояла каменная двухэтажная кладовая для товаров. В 1885 г., во время посещения Устюга великим князем Владимиром Александровичем, в доме купца Ф. И. Охлопкова останавливалась свита князя,⁶ а сам Федор Ильич был распорядителем охраны.

Яков Ильич имел два деревянных двухэтажных дома с надворными постройками в шестом квартале города.⁷ В 1912 г. в одном из этих домов жил сын его Прокопий.⁸

Братья Охлопковы — купцы второй гильдии, торговали лесом и мануфактурными товарами. В 1904 г. городской управой был зарегистрирован торговый дом «Федор Ильич Охлопков и К^о» на вере. Капитал компаньонов составлял 21000 руб.⁹ Во главе этого большого торгового дома стоял Федор Ильич, человек незаурядный, деятельный и общительный. Фирма продавала суконные, шелковые, шерстяные, бумажные ткани, швейные машины и в большом ассортименте изделия Красавинской фабрики наследников Я. Грибанова сыновей. Торговля велась на Преображенской улице в магазине в собственном доме, в двух лавках гостиного двора и на ярмарках в обширной округе.¹⁰

В списке устюжских купцов на 1910 г. из Охлопковых записан лишь Федор Ильич.¹¹ Старших братьев уже не было в живых.

Братья Охлопковы активно участвовали в общественной жизни города и в благотворительной деятельности, занимали видные общественные должности. В 1875 г. Василий, Яков и Михаил являлись гласными городской думы.¹² В 1880 г. Василий Ильич занимал должность товарища директора общественного банка и был гласным городской думы.¹³ 21 августа 1888 г. на Иванов-

ской горе была открыта одноклассная Покровская Красногорская школа. Помещение для школы на 10 лет пожертвовал купец М. И. Охлопков. Это был деревянный дом с удобными, просторными и светлыми комнатами.¹⁴ В 1891 г. купцы Охлопковы избраны почетными членами попечительного совета Александровского ремесленного детского приюта.¹⁵ Федор Ильич в 1894—1897 гг. являлся городским головой Великого Устюга.

1894 год начался для устюжан не очень удачно. В городе продолжали свирепствовать грипп, тиф и воспаление легких. Много людей умерло. С приближением теплых дней эпидемия утихла. В конце мая устюжане отмечали 400-летие со дня кончины Иоанна Устюжского чудотворца. 14 июня 1894 г. в Устюг прибыл, проездом в Архангельск, министр финансов С. Витте. Городской голова сопровождал графа на выставку местных изделий, в Успенский и Прокопьевский соборы. Горожане подали графу просьбу о проведении железной дороги через Устюг и об открытии в городе отделения государственного банка. Весной 1895 г. в городе было наводнение. Вода стояла трои сутки. Затопило почти половину второй части города и множество домов бедных жителей.

По предложению городского головы Ф. И. Охлопкова, была сделана добровольная подписка граждан на сумму до 1800 руб. и оказана помощь пострадавшим от наводнения.¹⁶

Все братья Охлопковы исполняли должности церковных старост устюжских храмов. Василий Ильич являлся церковным старостой Успенского собора, Яков Ильич — Спасовсеградской церкви, Михаил Ильич — Прокопьевского собора, а Федор Ильич 27 лет был старостой домовою Кирилло-Мефодиевской церкви при Великоустюгском духовном училище и много содействовал ее благоустройству. Последним и самым крупным его пожертвованием было устройство в 1910 г. почти всецело на свои средства нового золоченого иконостаса в училищной церкви. В 1901 г. Ф. И. Охлопков награжден серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте как староста Кирилло-Мефодиевской церкви. За пожертвование на устройство иконостаса в 1912 г. пожалован большой золотой медалью для ношения на шее на Александровской ленте.¹⁷

Примечания:

1. Списано с надгробных памятников на Стефановском кладбище. ВУФ ГАВО, ф. 364, оп. 1, д. 7980, л. 13 об.; ВЕВ, 1903, с. 143.
2. ВУФ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 2, лл. 2—4.
3. Там же.
4. ВУФ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 560.

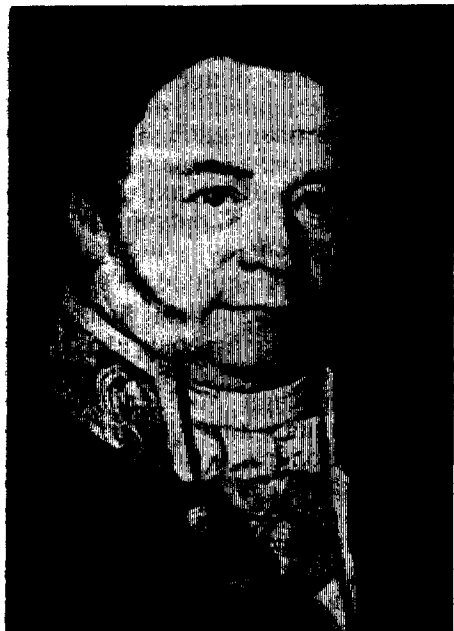
5. Там же.
6. ВУФ ГАВО, ф. 2, оп. 1, д. 898, л. 24 об.; ф. 14, оп. 2, д. 145, л. 32.
7. ВИФ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 560.
8. ВУФ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 1572, лл. 7—40.
9. ВУФ ГАВО, ф. 2, оп. 1, д. 989, лл. 10—14.
10. ВУФ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 578, л. 113.
11. ВУФ ГАВО, ф. 2, оп. 1, д. 974, лл. 4—5.
12. ВУФ ГАВО, ф. 2, ок. 1, д. 5, л. 7; д. 7, лл. 94—95.
13. Памятная книжка для Вологодской губернии на 1880 г.
14. ВУФ ГАВО, ф. 23, оп. 1, д. 12, лл. 61—62.
15. ВУФ ГАВО, ф. 2, оп. 1, д. 646, л. 153 об.
16. Летопись Варваринской церкви.
17. ВУФ ГАВО, ф. 584, оп. 73, д. 149, лл. 1—36; ф. 364, оп. 1, д. 7980, л. 130 ВЕВ, № 1 за 1913 г. и № 11 за 1914 г.

СВЯЩЕННИК-КРАЕВЕД

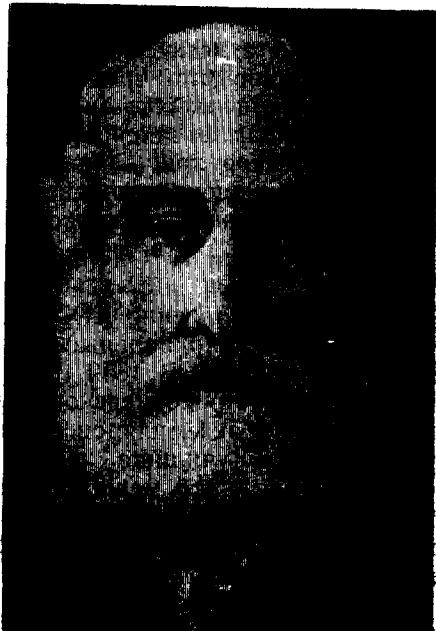
ИСТОРИКОМ церквей Великого Устюга называли современники А. М. Попова (1816—1882 гг.), протоиерея Успенского собора. Ему принадлежат многочисленные труды, посвященные описанию древностей и святынь, которыми был так богат наш город.

А. М. Попов — устюжанин, его отец был дьяконом в Георгиевском храме. Решив посвятить себя служению церкви, Арсений в 1838 г. окончил курс Вологодской духовной семинарии и стал священником. В разные годы он служил в Александро-Невской, в Спасовсеградской церквях и в Успенском соборе. Одновременно преподавал Закон Божий сначала в Устюжском приходском училище (1841—1854 гг.), затем — в уездном училище. Свои преподавательские обязанности исполнял благоразумно и усердно, за что в 1863 г. начальство Санкт-Петербургского учебного округа не раз объявляло ему высочайшую признательность. Не менее успешно выполнял отец Арсений и свои священнические обязанности. Он сам писал катехизические поучения для произнесения в церкви, сочинял проповеди. В 1874 г. был возведен в сан протоиерея, а через три года удостоен ордена св. Анны 3-й степени.

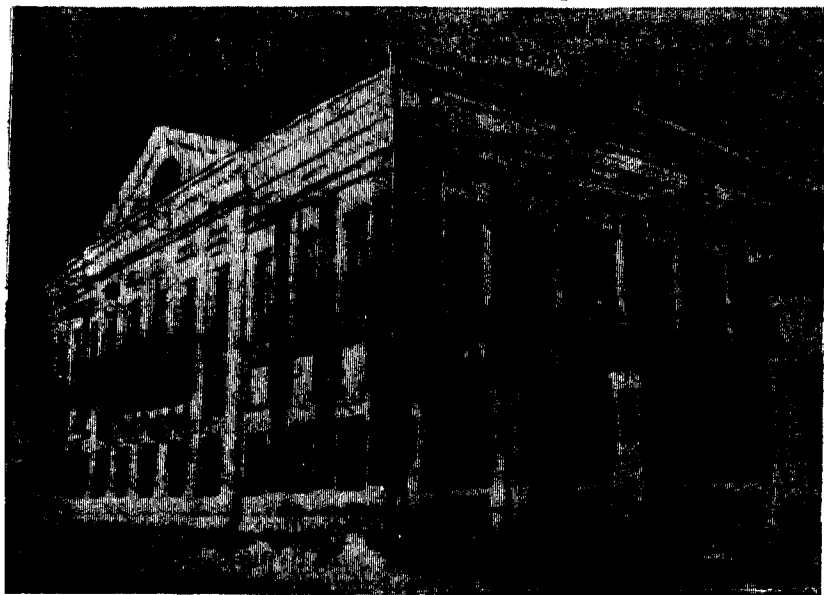
В 1851 г. в Вологде был открыт епархиальный комитет для церковно-исторического и статистического описания Вологодской епархии. К выполнению этой поставленной задачи привлекли городское и уездное духовенство. Одним из самых деятельных и полезных сотрудников комитета стал А. М. Попов, составивший, по отзыву известного вологодского краеведа Н. Суворова, «самые

Григорий Васильевич Усов,
купец — городской голова.

Евлампий Арсеньевич Бурдов,
краевед-историк.

**Дом Григория Васильевича Усова. Ныне здание краеведческого
музея-заповедника.**

подробные и во всех отношениях превосходные историко-археологические и статистические описания почти всех церквей города Устюга». В своих статьях автор дает сведения о местоположении описываемых церквей; знакомит с их историей, аргументируя свои доводы летописными повествованиями, высказываниями известных историков; данными писцовых книг, церковными документами. Священник-краевед делает прекрасные архитектурные описания храмовых сооружений, рассказывает о достойных внимания церковной утвари и библиотеках, сообщает о храмовых праздниках.

Во второй половине XIX в. труды А. М. Попова печатали «Вологодские епархиальные ведомости», издавались они и отдельными брошюрами. В 1859 г. опубликовано его «Описание Великоустюгского Прокопиевского собора». Арсений Михайлович пожертвовал 10 экземпляров своего «Описания» для наград ученикам уездного училища и десять — в Вологодскую гимназию, «имея в виду, что между воспитанниками здешней гимназии постоянно находятся уроженцы города Устюга, для которых в награду не могут быть бесполезными подарки с родины, о родне и от известного лица». Всего опубликовано 31 сочинение А. М. Попова. Все они представляют несомненный интерес для историков, архитекторов, реставраторов, краеведов.

Литература:

1. Н. С. Арсений Михайлович Попов. (Некролог). Вологодские епархиальные ведомости, № 20, 1882 г.
2. А. и А. Веселовский. Вологжане-краеведы. Вологда, 1923.
3. Вологодские губернские ведомости, № 13, 1860. С. 122.
4. Вологодские губернские ведомости, № 19, 1860. С. 153.

ЕВЛАМПИЙ АРСЕНЬЕВИЧ БУРЦЕВ

В НОЯБРЕ 1918 г. в Великом Устюге был открыт Музей Северо-Двинской культуры. Трудно представить сегодня, что в условиях разгоравшейся гражданской войны устюжане думали не только о хлебе насущном, но и о сохранении памятников искусства и старины. Уже к концу 1922 г. музейный фонд насчитывал более шести тысяч предметов, кроме книг и рукописей. Эта цифра — результат целеустремленного и напряженного труда работников музея.

Организацией музея занимались знающие и увлеченные своим делом люди. К ним относится и Е. А. Бурцев (1858—1924). Он родился в Тотемском уезде в семье сельского дьякона. Окончил

сначала Вологодскую духовную семинарию, а затем Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Почти сорок лет преподавал главным образом отечественную историю в Архангельской и Вологодской духовных семинариях, в Никольском и Оренбургском духовных училищах.

За период преподавательской деятельности был награжден орденами св. Станислава 3-й и 2-й степ., св. Анны 2-й степ., св. Владимира 4-й ст. В 1917 г. Е. А. Бурцев подал прошение о назначении пенсии и приехал на жительство в Великий Устюг, где в то время жил и работал его брат, известный в городе врач Иван Арсеньевич Бурцев.

Много лет Евлампий Арсеньевич состоял членом Вологодской археологической комиссии любителей истории и древностей и занимался научным краеведением. Известно около двадцати печатных трудов Е. А. Бурцева. Наиболее значительны из них «Описания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище (XVII—XVIII вв.)». Из тринадцати выпусков семь выполнены Бурцевым. В 1918—1922 гг. он активно сотрудничал в местных журналах краеведческого направления «Богатства Севера» и «За работу».

Все последние годы своей жизни Евлампий Арсеньевич посвятил созданию музея в Великом Устюге. Будучи в преклонном возрасте, в 1919 г. поехал в Москву на курсы по музееведению. Он заведовал рукописно-библиотечным отделом музея, с июня 1920 г. назначен сначала председателем музейной коллегии, затем заведующим Музеем Северо-Двинской культуры. Немало бессонных ночей провел Евлампий Арсеньевич, беспокоясь о сохранности музейных предметов, так как постоянного помещения не было, приходилось несколько раз переезжать из одного здания в другое. Условия для хранения предметов часто не соответствовали никаким нормам.

Стараниями и заботами Е. А. Бурцева при музее в 1923 г. было организовано Северо-Двинское общество изучения местного края. Устюжский краевед В. П. Шляпин в связи с этим писал: «Мысль о необходимости организовать в Устюге общество изучения местного края была давнишняя, и от многих интеллигентных устюжан слышались речи об основании общества, но такие речи оставались в области разговоров, пока не взялся за это дело заведующий Музеем Северо-Двинской культуры Евлампий Арсеньевич Бурцев. 3 февраля 1923 г. им написано было обращение ко всем интересующимся Северо-Двинским краем и желающим содействовать собранию, расширению сведений о нем, а также выработаны им были основные пункты положения

о Великоустюгском обществе изучения местного края. Немало затем Евлампию Арсеньевичу пришлось лично потрудиться и похлопотать, прежде чем общество организовалось».³ В первый год деятельности общества Е. А. Бурцев являлся его председателем. Все, кто работал с Евлампием Арсеньевичем, глубоко уважали своего почтенного коллегу за знания, за преданность делу.

Его жизнь оборвалась неожиданно для всех. В 1924 г. он ездил в Красавино разбирать документы, предназначенные для сдачи в музей, заразился там скоротечным туберкулезом и вскоре скончался. В память о нем художник Н. Г. Бекряшев написал портрет Е. А. Бурцева, который хранится в фондах музея-заповедника.

Примечания:

1. Формулярный список о службе преподавателя 11-й Великоустюгской гимназии Е. А. Бурцева. Сост. в дек. 1918 г. // фонды ВУИАХМЗ.
2. Удостоверение Бурцева Е. А. об окончании курсов по музееведению. Окт. 1919 г. // Фонды ВУИАХМЗ.
3. В. П. Шляпин. Евлампий Арсеньевич Бурцев. (Некролог). // «Советская мысль», № 270, 1924 г.

КУПЦЫ ЗАХАРОВЫ

ЩЕДРЫМИ благотворителями Великого Устюга являлись купцы Захаровы. Они происходили из Антропьевой слободы, расположенной в Лальской округе. Не случайно именно в Антропьевой слободе в 1754 г. во вновь выстроенной каменной церкви освящены престолы во имя Преображения господня и св. и великомученика Дмитрия Солунского «тщанием Великоустюжского купца Григория Федоровича Захарова».¹

Г. Ф. Захаров (1713 г. р.) во второй половине тридцатых годов XVIII в. женился на устюжанке Анисье Васильевне Чирковой. Спустя несколько лет Захаровы переехали в Устюг и записались в купеческое общество города. Григорий Федорович и Анисья Васильевна дожили до глубокой старости. Их дом находился во второй части города на улице Шашериной.² В семье Захаровых было три сына (Лев, Иван, Петр) и дочери Мария и Анна.

Лев Григорьевич (1738—1809), купец первой гильдии, был женат «на девице Марфе, взятой дому архиерейского бывшего служителя Ивана Сыровацкого дочери».³ Женился Лев Григорьевич поздно, когда ему и его жене было уже около сорока лет. У них был один сын Григорий. Жили они также во второй части города на улице Большой слободе в каменном доме с восемью теплыми покоем.⁴ (Здание детской художественной школы).

Иван Григорьевич (1739—1776), второй сын Г. Ф. Захарова, женился на дочери устюжского купца Ивана Ивановича Саблина Наталье. У них было семеро детей. Иван рано умер. Наталья Ивановна с детьми жила в доме свекра, который помогал ей поднимать детей.⁵

Сына Петра Г. Ф. Захаров женил на Екатерине Лаврентьевне Казаковой, а дочь Марию выдал за Федора Львовича Мургина, породнившись таким образом еще с двумя купеческими семьями Великого Устюга.⁶ Анна была приемной дочерью, замуж не выходила.

Григорий Федорович Захаров, его сыновья и внуки занимались торговым промыслом, ездили в Сибирь, торговали пушниной и «выменными» китайскими товарами.⁷ Эти долгие путешествия по бескрайней Сибири и к китайской границе были не безопасны и рискованны, но торговля с Китаем приносила в то время значительные прибыли устюжским купцам.

В общественной деятельности проявили себя Григорий Федорович и Лев Григорьевич. «Летопись Великоустюжская» под 1780 г. сообщает, что «в этом году, по силе высочайше изданного учреждения о губерниях, происходили в здешнем городе первые гражданские выборы в служения, как-то: в губернский магистрат, советский суд, городской магистрат и градскую думу, и к наступающему трехлетию избран градским головою купец Григорий Федорович Захаров».⁸ Лев Григорьевич городским головою был избран в декабре 1804 г.⁹

В Великоустюгском музее-заповеднике хранится портрет Л. Г. Захарова, написанный в начале XIX в. На обороте портрета имеется надпись: «Великоустюжский первой гильдии купец Лев Григорьев сын Захаров. Родился 15 февраля 1738 года. Скончался 27 марта 1809 года, пожертвовавший в здешний сиротский суд двенадцать тысяч рублей на содержание убогих».¹⁰ Летопись сохранила немало свидетельств благотворительной деятельности Захаровых. Так, в 1781 г. в Вологодский приказ общественного призрения Г. Ф. Захаров внес 6000 рублей серебряной монетой, чтобы проценты с данного капитала обращались в пользу бедных и неимущих людей в Устюге.¹¹ В 1787—1788 гг. Захаровы построили на свои средства двухэтажный каменный воспитательный дом на Набережной, известный в прошлом в Устюге как захаровская богадельня. (Бывшее хирургическое отделение больницы). На содержание богадельни они вложили в сиротский суд 17200 рублей. Благотворители предполагали помещать в этот дом «здешней округи дряхлых и увечных крестьян обоего пола», но содержались в богадельне лица разного звания и ведомства,

более 50 человек. В 1811 г., по завещанию Льва Григорьевича Захарова, сын его Григорий Львович внес в сиротский суд 12000 рублей, да от себя положил 5000 рублей. Всего от фамилии Захаровых в Вологодский приказ общественного призрения и в здешний сиротский суд в разные годы внесено на сей благотворительный предмет 40200 рублей.¹²

Григорий Львович достойно следовал примеру отца и дед. В 1812 г., когда Отечество подверглось нападению французов, он одним из первых пожертвовал 1000 рублей на ополчение.¹³ В апреле 1817 г. в Устюге было очередное большое наводнение. Вода в Сухоне так поднялась, что дошла до рундука Прокопьевской церкви и двое суток по берегу не было проходу и проезду. На Песках все дома были в воде, жители спасались на кровлях своих домов. Георгиевская церковь стояла в воде. Бедных, пострадавших от наводнения, купец первой гильдии Григорий Львович Захаров «пропитывал и покоем значительное количество двое суток».¹⁴

Захаровы принадлежали к той части устюжского купечества, которая благими творениями оставила по себе добрую память среди горожан.

Примечания:

1. Сборник материалов для истории г. Лальска. Состав. И. Пономарев. В. Устюг, 1897 г. С. 168, 176.
2. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 10, лл. 18 об. — 19.
3. Там же, л. 19 об.
4. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 1, д. 122, л. 48 об.
5. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 1, д. 77, лл. 137—138. ф. 145, оп. 1, д. 10, лл. 18 об. — 19.
6. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 1, д. 77, лл. 137—138.
7. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 3, д. 76, л. 1. ф. 145, оп. 1, д. 10, лл. 18 об. — 19.
8. А. А. Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1889. С. 109.
9. Там же, л. 120.
10. Фонды ВУИАХМЗ, № 12844.
11. А. А. Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1889. С. 110.
12. Там же. С. 113—114, 122—123.
13. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 58, л. 84.
14. Летопись Великоустюжская. С. 126.

Принятые сокращения:

ВУФ ГАВО — Великоустюжский филиал государственного архива Вологодской области.

ВУИАХМЗ — Великоустюжский историко-архитектурный художественный музей-заповедник.

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УСОВ

ГРИГОРИЙ Васильевич Усов (1793 г. р.) — купец второй гильдии. По свидетельству летописи, в течение четырнадцати лет (с 1838 г. по 1852 г.) он являлся городским головой Великого Устюга.¹ За этот период старанием городского головы был куплен дом для уездного училища, открыты общественный банк и приходское училище для обучения девочек, возбужден вопрос об устройстве гавани и кирпичного завода, начато устройство береговых каменных укреплений, а также были устроены канавы под Покровской церковью, кладбищем, осушено болото, в результате чего городское общество получило значительные выгоды. В фондах Великоустюгского музея-заповедника имеется портрет городского головы Г. В. Усова, написанный в середине XIX в. кистью неизвестного художника.

Родом Усовы из крестьян деревни Юбникова починка Южской трети Ивановской волости (позднее — Трегубовская волость Великоустюгского уезда). Василий Яковлевич Усов (1752 г. р.), отец Г. В. Усова, записался в устюжские купцы в 1780 г.² В семье В. Я. Усова и его супруги Акилины Тимофеевны было трое детей: Варвара (1781 г. р.), Александр (1784—1840) и Григорий. Варвара и Александр умерли бездетны, а у Григория Васильевича и его жены Ульяны Дмитриевны были две дочери: Ольга и Александра.

Братья Александр и Григорий с ранних лет помогали отцу в торговых делах. Известно, что с 1805 г. по 1810 г. оба были в Сибири.³ Вероятно, это была не единственная их поездка в сибирские города. В сибирской торговле братья нажили приличное состояние. Григорий Васильевич записался по второй гильдии в лальское купечество и некоторое время жил в Лальске. В 1836 г. он купил в Устюге деревянный дом за 400 рублей во второй части города около Георгиевской церкви.⁴ В 1837 г. дом этот он продал⁵ и купил двухэтажный каменный дом под железной крышей на улице Набережной⁶ (дом № 64, здание музея-заповедника). В 1844 г. этот дом был оценен в 7000 рублей. Дом Усова, богато отделанный, с садом, с вымощенным двором, с балконами, выходящими на Набережную и в сад, с чудесным видом на Сухону, считался роскошным дворцом. Рядом с домом ему же принадлежал одноэтажный каменный флигель с одним жилым pokojem, двумя погребками, двумя каретниками и конюшней. Флигель оценивался в 1800 рублей.⁷ В то же время Г. В. Усов имел еще один двухэтажный каменный дом «угловой под железной крышей, по лицу Успенской улицы 9 сажень, оценен в 4000 рублей».⁸ (Дом культуры). После смерти хозяина оба дома были

проданы. Дом на Успенской улице купила купчиха Ольга Жилина,⁹ а «чудный барский усовский дом» на Набережной приобрела в 1867 г. «за рядную сумму в 6000 рублей» городская дума. До 1918 г. в этом доме размещалась городская управа. Из суммы, причитавшейся бывшим владельцам за проданный дом, 5000 рублей, по завещанию купца Усова, были переданы в Вологодский приказ общественного призрения на устройство богадельни в деревне Юбникове починке. Усовская богадельня была открыта в сентябре 1875 г. для неимущих и нуждающихся в призрении крестьян Трегубовской волости. Содержалась она на доход с капитала, пожертвованного для этой цели купцом Усовым. В богадельне призревало до десяти человек.¹⁰

В 1837—1838 гг. Г. В. Усов приобрел не только каменные дома в Устюге, но и земли в разных волостях. Так, в 1837 г. у Л. Ф. Булдаковой он купил четверть сенных покосов в деревне Сокольницы Ивановской волости, две пожни в д. Насоново и пожню в д. Брычиха в Воскресенской волости, а также земли в деревнях, Большом и Малом Адовских Приводинской волости.¹¹ Через год в той же Приводинской волости он купил еще 48 десятин 1122 саж. земли за 6000 рублей у устюжской мещанки К. Ф. Ольшуквой.¹² Кроме того, недвижимое имущество у него имелось и в Лальской округе, откуда родом была его мать. В 1860 г. наследниками имения Г. В. Усова стали жена Ульяна Дмитриевна и дочери Ольга Григорьевна Худорожева и Александра Григорьевна Нагих.¹³

Григорий Васильевич имел довольно сложный характер. Он часто ссорился со своим соседом купцом Новосельцевым. Ссоры заходили так далеко, что вынуждены были вмешиваться и городской магистрат и церковь для примирения враждующих сторон. По видимому, не всегда Г. В. Усов был честен и аккуратен в делах. В конце 1830-х гг. он брал в арендное содержание лесопильный завод у устюжского мещанина Дмитрия Воробьева и довел завод до негодного состояния. Д. Воробьев в 1840 г. обратился в городской магистрат с просьбой о принуждении Г. Усова к поправке завода.¹⁴ В 1853 г. городской магистрат продавал с торгов скот, более 20 голов, принадлежащий Г. В. Усову, за неплатеж им денег купцам Е. Белых, А. Правдину и А. Воробьеву, а также за неплатеж штрафных и прогонов более 1000 рублей.¹⁵ Скончался Г. В. Усов в 1859 г.

Примечания:

1. А. А. Титов. Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1903. С. 73.
2. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 1, д. 77, л. 422 об.
3. ВУФ ГАВО, ф. 584, оп. 47, д. 15.

4. ВУФ ГАВО, ф. 129, оп. 5, д. 17, лл. 19—20.
5. Там же, лл. 5—7.
6. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 980.
7. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 346.
8. Там же.
9. Н. Кудрин. Запечатленная память. Арх-ск, 1986. С. 33—34.
10. Доклады Великоустюгской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию сессии 1903. В. Устюг, 1903. С. 38.
11. ВУФ ГАВО, ф. 10, оп. 1, д. 1400, лл. 1—2.
12. ВУФ ГАВО, ф. 10, оп. 1, д. 1476, л. 3.
13. ВУФ ГАВО, ф. 10, оп. 2, д. 395, л. 1.
14. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 2, д. 118, л. 420.
15. Вологодские губернские ведомости, 1853, №№ 11, 45.

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА Х. А. ПЕЦ

В «ЛЕТОПИСИ Великоустюгской» есть такая запись: «1872 года, мая 1, водворено новое городовое положение и городским головой был вновь избран второй гильдии купец Христиан Андреевич Пец.»¹

Родом Пецы из Саксонии. Отец Христиана Андреевича, Андреас Трауготт, приехал в Россию в конце XVIII в. Он обосновался в Архангельске и занялся коммерцией. В 1835 г. записался в архангельское купечество.

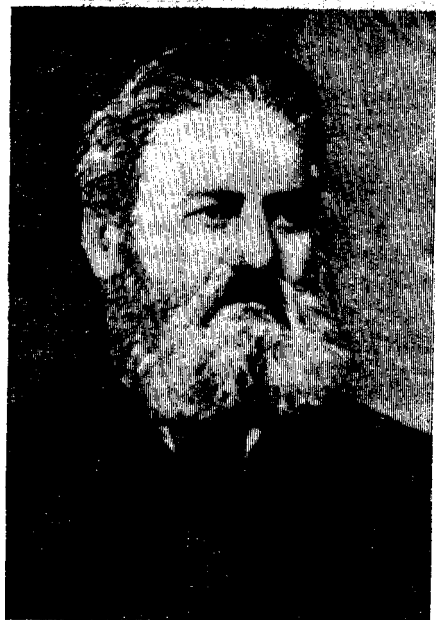
Христиан Андреевич в наши края приехал в 1846 г.² С 1852 г. он числился в николевских третьей гильдии купцах, а в 1863 г. записался в устюжское купечество по второй гильдии.³ В Великом Устюге у него был собственный дом на Успенской улице (угол Советского пр. и ул. Виноградова), он имел также заведение для обработки льна, малярную мастерскую, лавки с кожевенными товарами и съестными припасами.⁴ 16 июня 1871 г. он написал прошение устюжскому уездному исправнику следующего содержания: «Имею я открыть в имении зятя своего Потомственного Почетного гражданина Петра Карловича Люрса (Люрс был женат на сестре Х. А. Печа Каролине) в деревне Савине Нестеферовского правления, а его Люрс дозволения, заведение для выделки кож, мыла и сальных свечей, для чего мне и необходимо иметь законное разрешение. Означенным имением, как общеизвестно и Вашему Высокоблагородию, я пользуюсь уже не менее десяти лет...»⁵ Получив разрешение, Х. А. Пец построил кожевенный завод на реке Сыроватке недалеко от деревни Савино (деревня Савино находилась в шести верстах от города). В имении Савино ему принадлежали бойня, копильня, мясосольня и деревянный дом.⁶ Отменно приготовленные в заведениях Печа

соленое мясо, мыло и сальные свечи не раз демонстрировались владельцем на всероссийских мануфактурных выставках.⁷ Х. А. Пец занимался также торговлей хлебом и льном. В Устюгском уезде ему принадлежало 69 десятин 74 сажени земли, из них пахотной — 21 дес. 1474 саж.⁸

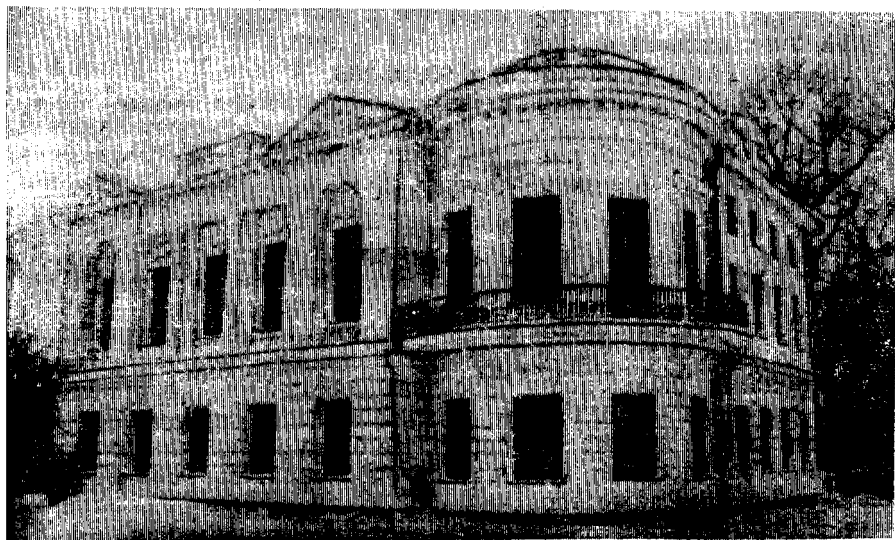
Около 30 лет Х. А. Пец служил у никольского первой гильдии купца В. И. Грибанова, жившего сначала в Архангельске, а затем в Санкт-Петербурге. Христиан Пец был управляющим делами Грибанова в Великом Устюге и Никольске. Он подбирал на службу людей, следил за правильностью расчетов приказчиков, перекупщиков, комиссионеров, вел многочисленную переписку, осуществлял торговые операции и т. д. В деловых письмах В. И. Грибанова к Х. А. Пecu просматривается уважение и полное доверие управляющему. Нередко купец Грибанов спрашивал совета, или полагался на знание и опыт в коммерческих делах Христиана Печа. Доверенными лицами, приказчиками работали у Грибанова и сыновья Х. А. Печа Петр, Густав, Александр.⁹

Устюжским городским головой Х. А. Пец был с 1870 г. по 1876 г. Он заботился о благоустройстве города, о детях-сиротах, занимался берегоукреплением, особенно после большого наводнения 1873 г., когда были снесены почти все обруба (деревянная обшивка берега). В помощь пострадавшим от наводнения городской голова открыл подписку и собрал до 3000 рублей, которые поступили в распоряжение учрежденного комитета на помощь и устройство разрушенных домов бедных жителей.¹⁰ Сообщил городской голова о постигшем Великий Устюг несчастье и купцу Грибанову, который пожертвовал в пользу пострадавших 500 рублей.¹¹

Х. А. Пецем был устроен в городе ремесленный приют для мальчиков в каменном доме при церкви Александра Невского.¹² Вопрос об открытии приюта решался довольно долго. 23 августа 1875 г. Х. Пец обратился с прошением в городскую думу: «...так как при Александро-Невской церкви общественный дом для принятия и призрения беднейших детей устроен, но официального открытия еще не было и неизвестно, когда будет, предлагаю дом этот отдать в мое личное распоряжение в аренду или так, в котором предполагаю принимать детей-сирот, кормить их и учить ремеслу на свой счет».¹³ В 1878 г. дом этот городская управа хотела занять пленными турками, но Х. А. Пец отстоял дом, написав несколько писем губернатору. В детском приюте под контролем Х. А. Печа мальчиков учили переплетному, столярному, чеботарному ремеслам. Все необходимое для приюта Х. А. Пец нередко приобретал на свои средства. Официально же Александро-Невский приют был открыт в 1880 г. Христиан Андреевич

Купец Зосима Васильевич Костров. Купец Василий Иванович Костров.

Дом купца Дмитрия Васильевича Аленева.

до конца дней своих был попечителем ремесленного детского приюта. «Вообще, во время служения городского головы Пец благотворительный капитал разными взносами увеличился на 10000 рублей».¹⁴ Средства эти использовались на помощь бедным и немощным. Благодаря также немалым стараниям и хлопотам городского головы, в 1874 г. в Великом Устюге была открыта телеграфная станция.

Х. А. Пец (1808—1887) был женат на Шарлотте Андреевне Ротерс. В их семье имелось двенадцать детей: Петр, Густав, Александр, Христиан, Эрнст, Адольф, Людвиг, Арнольд, Беренд, Фредерика, Юлия, Тереза. Все они унаследовали от своих родителей трудолюбие и доброе отношение к людям.

Примечания:

1. А. А. Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1889. С. 136.
2. ВУФ ГАВО, ф. 223, оп. 2, д. 46, л. 1.
3. ВУФ ГАВО, ф. 2, оп. 1, д. 1026, лл. 135—136.
4. ВУФ ГАВО, ф. 6, оп. 1, д. 560; ф. 2, оп. 1, д. 346, лл. 39 об.—40; д. 441, л. 64 об.; д. 1, л. 134 об.
5. ВУФ ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 29, л. 232.
6. ВУФ ГАВО, ф. 361, оп. 2, д. 432, л. 38.
7. ВУФ ГАВО, ф. 14, оп. 2, д. 14, л. 11.
8. ВУФ ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 43, л. 115.
9. ВУФ ГАВО, ф. 223, оп. 1, д. 98, лл. 93, 59, д. 60, л. 207; д. 170, л. 27.
10. Указ, летопись. С. 136.
11. ВУФ ГАВО, ф. 223, оп. 1, д. 98, л. 166.
12. А. А. Титов. Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1903. С. 41.
13. ВУФ ГАВО, ф. 2, оп. 1, д. 179, лл. 37, 45, 51—53.
14. Летопись по Брагинскому списку. С. 41.

СПАСАЯ ЛЮБЕЗНОЕ ОТЕЧЕСТВО

В 1812 г. русские отстояли свою родину, изгнали дерзнувших вступить в Россию французов. Великими трудами, терпением и ранами была достигнута эта победа над неприятелем. В минуты страшной опасности русское общество продемонстрировало единый патриотический порыв. Не было равнодушных к судьбе Отечества. Повсюду создавались ополчения, призывались ратники, собирались пожертвования.

Великий Устюг в то время представлял собою маленький город с населением около 8 тысяч человек. Война была далеко от него. Известия доходили не сразу. О многих событиях горожа-

не узнавали от устюжан, возвращавшихся из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

По распоряжению Вологодского губернатора в Устюге собирали средства на полковые обозы. К 6 июля 1812 г. собранная сумма составила 7289 рублей (с купцов — 4716, с мещан — 2573 руб.).¹ Затем была открыта подписка на пожертвования в пользу ополчений. Купцы, мещане и цеховые перечислили в пользу ополчения 6163 рубля.² В связи с этим следует отметить купца Григория Захарова, написавшего в городскую думу следующую записку: «Великоустюгский первой гильдии купец Григорий Захаров на защиту Отечества жертвую Асигнациями тысячу рублей, которую и имею представить куда повелено будет».³ По пятьсот рублей пожертвовали на ополчение купцы первой гильдии А. П. Воробьев и Е. А. Шергин, вдова А. В. Курочкина; по двести рублей — купцы второй гильдии И. О. Булдаков и А. А. Смолин, а также купец третьей гильдии А. В. Стрельников.⁴ В общей сложности купеческое общество города в пользу ополчения перечислило 5385 рублей.⁵ 20 сентября 1812 г. в городскую думу поступил рапорт ремесленного головы И. Островского, в котором сообщалось, что «цеховое общество жертвует 365 рублей на защиту Отечества».⁶

По предписанию Вологодского губернатора городской голова Н. Сутягин в декабре 1812 г. открыл ведомость на пожертвования горожан в пользу семей военнослужащих. Выразили желание подписаться 61 человек. По 25 рублей пожертвовали купцы Д. Аленин, А. Смолин, Н. Сутягин, А. Воробьев, А. Нисковский, Г. Захаров, Влас, Мария, Павла Бабиковы, А. Курочкина, Л. Булакова. Великоустюгское ремесленное общество перечислило на помощь семьям ратников 17 рублей.⁷

Принимали устюжане и пленных французов, которые распределялись в Вологде по городам губернии. В январе 1814 г. в Великоустюгскую городскую думу поступило сообщение о том, что в Устюг отправлено 228 военнопленных (28 обер-офицеров и 200 рядовых). Для их размещения дума срочно устраивала казармы, а для больных — лазарет.⁸

Неоднократно проводились в Устюге рекрутские наборы. Из мещан и цеховых было отправлено в рекруты 51 чел. (не моложе 18 лет и не старше 40 лет).⁹ Таким образом, устюжане в составе регулярной армии воевали с французами. К сожалению, об устюжанах — участниках военных сражений мы имеем довольно скудные сведения. Известно, что в 1812 г. поступил в солдаты находящийся тогда в Санкт-Петербурге наш земляк Василий Иванович Кочетов. Он был зачислен в конный Александровский казачий полк и отправлен в поход 20 октября.¹⁰

Устюжский помещик Григорий Михайлович Кувакин, по словам лальского купца В. Подъякова, будучи с ним в Москве, в Устюг не возвратился, а «поступил по собственному своему усердию на защиту Отечества в воинскую службу». Г. М. Кувакин сражался с французами в составе Московского ополчения.¹¹ Сведений о его дальнейшей судьбе у нас нет.

В Великоустюгском филиале ГАВО имеется послужной список устюжского помещика В. С. Барашкова. Документ подписал полковник Яхонтов, командир первого волонтерного полка Санкт-Петербургского ополчения. Список содержит интересные подробности о службе В. С. Барашкова. 9 августа 1812 г. «поступил он ...по собственному своему усердию на защиту веры и отечества в военную службу волонтером, которую продолжал с великими успехами и отличными усердием, будучи во многих важных кровопролитных сражениях».¹² За два с лишним года волонтер Барашков участвовал и в преследовании неприятеля до наших границ и во многих авангардных делах в Пруссии, и в битвах при Меллау-кене, Денсвице, Лейпциге и др. Ревностное служение В. С. Барашкова Отечеству, участие его во многих баталиях и походах было отмечено серебряной медалью 1812 г. и дан послужной список. В 1814 г. герою было 32 года. Ростом он был два аршина два вершка, холост, лицом бел, глаза карие, волосы темно-русые, бороду брил, «российской грамоте читать и писать умел». В начале 1815 г. Василий Семенович возвратился в Великий Устюг. В родном городе он встречен был, как герой. Помещанское общество, как говорится в рапорте городского старосты Александра Ямщикова от 31 мая 1815 г., «в надлежащее уважение того Барашкова в посильное со своей стороны за таковой его подвиг вознаграждение со-общаго согласия своего в облегчение состояния утвердили отныне впредь навсегда уволить его от платежа податей и градских повинностей, равно и от гражданских служеб, приемля всю за него обязанность исполнять собою...»¹³ Так устюжане выразили свое признание воину за его добросовестный ратный труд.

Примечания:

1. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 56, л. 249.
2. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 58, л. 71.
3. Там же, л. 84.
4. Там же, лл. 77, 79.
5. Там же, л. 71.
6. Там же, л. 31.
7. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 57, л. 1—6.
8. ВУФ ГАВО, ф. 145, оп. 1, д. 61, лл. 2, 3, 7.
9. Там же, д. 56.

10. Там же, л. 390.
11. Там же, лл. 342, 372.
12. Там же, д. 62.
13. Там же, л. 3.

ВО СЛАВУ РОДНОГО ГОРОДА

С КОНЦА XVI в. Великий Устюг становится крупным центром торговли, ремесел, художественной культуры. Этому способствовало выгодное расположение города на стыке трех рек, на перекрестке важных торговых путей. Устюг, не испытывавший татаро-монгольского нашествия, не знавший крепостничества, удаленный от центра, обладал относительной самостоятельностью и свободой, что всегда привлекало талантливых и предприимчивых людей. Здесь жили не только видные купцы, но и замечательные живописцы, первоклассные строители, искусные ремесленники, принесшие Устюгу славу «города умельцев».

Ведущей отраслью ремесленного производства в Устюге на протяжении многих веков являлось кузнечное дело. Устюжские кузнецы достигли совершенства в своем деле и нередко соперничали с ювелирами. Кузнец из Устюжского уезда Шумило Вирачев не только «делал всякое кузнишное дело», но и боевые часы. В 1630 г. он был взят в Москву, где стал часовщиком Фроловской (Спасской) башни Кремля.¹

В XVII—XVIII вв. высоко ценились устюжские коробки сундуки, ларцы и шкатулки, окованные железным прутьем, с секретными замками и просечными накладками. Их сбывали на рынке, вывозили далеко за пределы города, делали по заказам. Так, в 1668 г. кузнец Данила Пахолков изготовил коробью для жены воеводы Змеева, а Федор Цыбасов в 1683 г. продал шкатулку «для подношения святому владыке».² Предназначенные для дарения, сундуки и шкатулки оклеивали внутри дорогими тканями и расписывали красками. Сохранившиеся ажурные металлические кресты на церковных главах, кованые решетки жилых и культовых зданий, просечные накладки на двери и сундуки, искусно выполненные замки свидетельствуют о высоком мастерстве кузнецов Великого Устюга. Неоднократно устюжские кузнецы по распоряжению правительства направлялись в Сибирь. В 1646 г. в Кетском остроге потребовался кузнец, «который бы умел кузнешному всякому делу, и пищали починивать». Туда был направлен устюжанин Иван Походня.³

Были в Устюге и свои мастера колокольного дела. Никифор Иванов Кузнецов, посадский человек, отливал колокола для мест-

ных церквей в XVII в. Медь он покупал на городском рынке, в Холмогорах и в Вологде. В 1641 г. три колокола у него купили тюменские купцы.⁴ В XVIII в. колокольным мастером в Устюге был Матвей Сушковский. В 1771 г. он лил колокол весом в 154 пуда для церкви Симеона Столпника.⁵

Немало имелось в городе мастеров-серебряников. К середине XVII в. их насчитывалось в Устюге более 20, а в XVIII в. — более 30 человек. Они изготавливали не только дешевые украшения, но и крупные вещи из золота и серебра по заказам. О высокой квалификации местных специалистов по обработке драгоценных металлов говорят следующие факты. В 1657 г. устюжских серебряников Деметрия Москвитина, И. Щетинина и Василия Мошню вызвали на работу в Москву в Серебряную палату.⁶ В 1744 г. Михаил Климшин, мастер черни по серебру, был вызван в Москву для обучения купца Кункина черновому делу. Выдающимися мастерами черневых дел в XIX в. являлись Александр Жилин и Михаил Иванович Кошков. Последний неоднократно участвовал в крупнейших выставках и выполнял заказы императорской семьи.

Широкой известностью в прошлом пользовались устюжские плотники. Они строили дома и хоромы, церкви, различные речные суда (дошаники, каюки, павозки, лодки и др.). В Устюге и около города жили десятки плотников. В документах XVII в. упоминаются Н. А. Вологдин, Д. Ф. Замараев, Ф. С. Гущин, Алексей и Сидор Шапковы и многие другие. Устюжские посадские люди Сергей Ефимов, Тренка Карпов, Федосей Кошков, Петр Федосеев являлись церковными плотниками. Первые два из них в 1627 г. поставили Троицкий теплый храм в Вотложемской волости, а последние в 1632 г. строили Богородскую церковь в Шемогодской волости.⁷ Устюжские плотники, как и ремесленники других специальностей, в XVII в. не раз вызывались в Москву на строительные работы и посылались в Верхотурье строить суда. Добрых плотников из Великого Устюга направляли по указам Петра I на строительство судов в Архангельск и Санкт-Петербург.

Со второй половины XVI в. в Устюге началось каменное строительство возведением пятиглавого Успенского собора. С середины XVII в. кирпич стал основным строительным материалом в городе. Иждивением устюжского купца Никифора Ревякина были построены каменные церкви Вознесения (1648 г.), Михайло-Архангельский собор (1653 г.), храм Иоанна Устюжского (1663 г.), а на средства купца Афанасия Гусельникова возведены Прокопьевский собор (1668 г.) и теплая церковь во имя Алексея Митрополита (1672 г.). Строителем Прокопьевского собора являлся выдающийся устюжский мастер Петр Дмитриев Котель-

ников. Имена зодчих, строивших другие храмы, к сожалению, не известны.

В XVII—XVIII вв. Великий Устюг являлся одним из видных центров живописного дела в России. Яков Фриз, составивший в конце XVIII в. описание нашего города, отметил, что «Устюг имеет право похвалиться иконописною работою и живописью, коими занимается небольшая часть здешних обывателей, как светских, так и духовных. Они достигли до некоторого совершенства в сем роде».⁸ Исследователями выявлен не один десяток имен устюжских живописцев, среди которых особенно знамениты Федор Зубов, Василий Колмогоров, Козьма Волков, Василий Аленин, Иван и Василий Березины. Иконописцы Великого Устюга обслуживали не только город и обширную округу, но выезжали и в другие города. Они приглашались в Москву для выполнения живописных работ в московских дворцах и храмах. В 1642 г. устюжские иконники работали в столице над росписью Успенского собора. В царствование Михаила Федоровича несколько иконописцев из Великого Устюга были отправлены в Тобольск для открытия там иконописных мастерских. Устюжский иконник Спиридон в начале XVII в. переселился в Тюмень и там он в 1624 г. написал во вновь строящуюся тогда Знаменскую церковь икону Знамения Божией Матери, которая являлась особо чтимой в Тюмени.⁹ В XVIII в. в разные российские и сибирские города «для иконного художества» выезжали живописцы М. С. Красильников, С. И. Поточкин, Г. С. Островский, братья Березины.

Многие жители города и приезжающие к нам гости любовались красотой и изяществом резных устюжских иконостасов. Немного известно мастеров, занимавшихся резьбой по дереву и оставивших нам эти великолепные памятники. В XVII в. — это Василий Степанов и Дементий Лянгурцов, создавшие нарядный иконостас в Спасо-Преображенской церкви; в XVIII в. — Максим Бубнов, резавший иконостас в Успенском соборе. В XIX в. резным иконостасным делом занимались мастера А. Архипов и Я. Костров.

В былые времена изготовляли в нашем городе финифть и скань, печные и фасадные изразцы, «мороз» по жести и многое другое. Простые вещи устюжские мастера умели превращать в высокохудожественные произведения. Трудолюбием, мастерством и талантом добывали они славу родному городу. Их имена достойны памяти.

Примечания:

1. А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого XVII в. М., 1960. С. 63.

2. Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Т. XIV, ч. 2. СПб., 1894. С. 1033.

3. А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Указ. соч. С. 54.
4. Там же. С. 66.
5. Вологодские епархиальные ведомости, № 21, 1885.
6. Мерзон, Тихонов. Указ. соч. С. 67.
7. Русская Историческая Библиотека, т. XXV, кн. 3. СПб., 1908.
- С. 31—32, 122.
8. Журнал «Северный Архив», № 15, 1824 г. С. 225.
9. Вологодские епархиальные ведомости, № 24, 1900. С. 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века	3
Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах	24
Русские землепроходцы-исследователи Сибири XVII в.	35
Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке	38
Российско-американская компания	46
О продаже Аляски	53
Валентин Распутин об устюжанах-первооткрывателях	56
Устюжский купец Влас Бабилов	58
Свидетельство доброты и милосердия	59
Дмитрий Еасильевич Аленив	61
Костровы	63
Братья Охлопковы	68
Священник краевед	70
Евлампий Арсениевич Бурцев	72
Купцы Захаровы	74
Г. В. Усов	77
Городской голова X. А. Пец	79
Спасая любезное Отечество	82
Во славу родного города	85

**Издание Великоустюгского городского отделения
общества охраны памятников истории и культуры.**

Графика художника **В. Н. Латынцева.**
Фотохудожник **А. С. Полицинский.**
Редактор **Н. И. Чебыкин.**
Корректор **Н. П. Попова.**

Сдано в набор 27.10.94 г. Подписано в печать 3.04.95 г.
Формат 60×84/16. Печать высокая. Гарнитура литературная.
Заказ 2399. Тираж 2000. Объем 5,75.

Великоустюгская городская типография.